

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Випшевского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кулагина, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 10 (924)

Воскресенье, 9 марта 1941 г.

Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

- 1 стр. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) о Международном Коммунистическом женском дне — 8 марта. ИНФОРМАЦИЯ. Творческая конференция московских прозаиков и поэтов. Литературная жизнь Латвии. ЗА НЕДЕЛЮ. 2 стр. М. ЧЕЧАНОВСКИЙ. Миц Улинер освобождается от изгнаний. Н. БЕЛЫЧКОВ. Новый труд о Шевченко. Ю. ДАНИЛИН. Монография о Золя. Евг. ЛАНН. Джек Китс. 3 стр. Л. СУВОКОВА. Панорама эпохи. В. ЕРМИЛОВ. «Инженер» Ю. Крымова. Л. ШАПИРО. Две повести. 4 стр. И. ХАЛТУРИН. О плавающих и путешествующих. Ефим ЗОЗУЛЯ. Жертвенная любовь. А. ГУРШТЕЙН. Хорошее начало. БИБЛИОГРАФИЯ. 5 стр. Р. ЮРЕНЕВ. Прекрасная судьба. В. ФОМЕНКО. Переписка поколений. Н. СОКОЛОВА. Заметки о граффике. И. СУДАКОВ. Почетная задача. 6 стр. В. ЛУГОВСКОЙ, М. МАТУСОВСКОЙ. Арон Колпегин. Сергей ГОРОДЕЦКИЙ. Еще о писателе и книге. А. ШМИГЕЛЬСКИЙ. Литературная Погода. С. И. Задачи литературоведения. Ю. ИСАКОВ. Писатели-бойцы. ИНФОРМАЦИЯ. Подготовка к юбилею М. Ю. Лермонтова. Последние номера журналов. Эпос на кино-лентке. Из прошлого. ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ.

О МЕЖДУНАРОДНОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ЖЕНСКОМ ДНЕ — 8 МАРТА
Постановление ЦК ВКП(б).

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) приветствует работниц, колхозниц и всех трудящихся женщин Советского Союза в Международный Коммунистический женский день.

Трудящиеся капиталистических стран встречают день 8 марта в обстановке расширяющейся мировой империалистической войны, несущей для трудящихся неисчислимые страдания и бедствия, возрастающий гнет капиталистической эксплуатации.

Трудящиеся СССР встречают Международный Коммунистический женский день в условиях мирного труда, обеспеченного правильной внешней политикой советского государства, в обстановке неуклонного подъема народного хозяйства, роста культуры и материального благосостояния трудящихся.

В Советском Союзе только в промышленности и на транспорте занято свыше пяти миллионов женщин. Во всех областях социалистического строительства — в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, в науке и искусстве многие десятки и сотни тысяч советских женщин показывают своей работой высокие образцы социалистического труда.

Во время, как в капиталистических странах все возрастает бесчеловечная эксплуатация и бесправие женщины, советский строй предоставляет женщине безграничные возможности для ее активной деятельности, творчества во всех областях общественной жизни. Советские женщины успешно овладевают сложными профессиями. Растет число женщин, работающих машинистами на железнодорожном транспорте, сталеварами в металлургии, машинистами врубных машин в угольной промышленности. Свыше 100 тысяч женщин управляют тракторами, комбайнами и другими сложными сельскохозяйственными машинами. Быстро растут многочисленные кадры женской советской интеллигенции. В социалистической промышленности работают свыше 170 тысяч женщин инженеров и техников, в школах больше 650 тысяч учительниц, в амбулаториях, больницах и клиниках более 73 тысяч женщин-врачей, в научно-исследовательских учреждениях и вузах 33 тысячи женщин научных работников, в сельском хозяйстве более 9 тысяч женщин агрономов с высшим образованием.

В советской стране десятки тысяч женщин заняты на руководящей работе в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в научных и культурных учреждениях.

Почти пятьсот тысяч женщин — депутатов местных Советов, свыше тысячи семисот женщин — депутатов Верховных Советов — СССР, Союзных и Автономных республик выполняют работу по руководству страной, — как полноправные избранницы советского народа.

В ряды активных строителей социалистической жизни влились новые миллионы освобожденных женщин Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии, Эстонии, впервые приобщившиеся к государственной, производственной и культурной работе.

Советская власть предоставила женщине широкие возможности получения высшего образования, овладения всеми достижениями современной науки и культуры. В высших учебных заведениях и техникумах СССР обучаются сотни тысяч девушек.

Советская власть создала условия для счастливого материнства. Государство отпускает большие суммы на строительство детских учреждений и на пособия многодетным семьям. За один только 1940 год выплачено 1.225 миллионов рублей пособий многодетным матерям.

Международный Коммунистический женский день должен быть проведен под лозунгом дальнейшего вовлечения женщин в социалистическое строительство, еще более широкого развертывания социалистического соревнования и стахановского движения среди работниц, колхозниц и всех трудящихся женщин, под лозунгом самоотверженной работы советских женщин по укреплению хозяйственной и оборонной мощи страны.

ЦК ВКП(б) обязывает все партийные организации провести Международный Коммунистический женский день — 8 марта как массовую политическую кампанию, широко разъяснить всемирно-историческое значение освобождения трудящихся СССР от капиталистического гнета, коренную противоположность между положением свободной, полноправной советской женщины, активной строительницы социалистической жизни, и угнетенным положением трудящихся женщин в капиталистических странах.

Партийные, профсоюзные и комсомольские организации обязаны еще более широко организовать подготовку женских квалифицированных кадров для промышленности, транспорта и сельского хозяйства, помочь женщинам овладеть сложными профессиями, постоянно повышать их производственную квалификацию. Необходимо смелее выдвигать передовых женщин и девушек на руководящие посты и должности в советских, хозяйственных и общественных организациях, вовлекать лучших из беспартийных женщин в ряды большевистской партии.

Партийные организации обязаны постоянно помнить, что одной из важнейших задач женщины является воспитание детей, нашего будущего поколения. Необходимо усилить заботу о женщине-матери, всемерно улучшить бытовые условия женщин, широко развертывать сеть детских учреждений, родильных домов, создавать все условия к тому, чтобы женщины-матери совместно со школой и комсомолом приняли еще более активное участие в воспитании детей — будущих строителей коммунизма.

Партийные организации обязаны всемерно поддерживать движение женщин-общественниц, их самостоятельность и инициативу в борьбе за культуру на производстве, в рабочих общежитиях, в предприятиях общественного питания, госторговле, кооперации. Необходимо поддерживать движение женщин за развертывание санитарно-оборонной подготовки и развитие физкультурной и спортивной работы.

ЦК ВКП(б) выражает твердую уверенность в том, что трудящиеся женщины Советского Союза направят все свои творческие силы, всю энергию на претворение в жизнь народно-хозяйственного плана 1941 года, на дальнейшее укрепление могущества социалистической родины, на повышение своего идейно-политического уровня, на борьбу за дальнейшее процветание Советского Союза.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б).

ПЛАН СЕКЦИИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Состоялось расширенное заседание бюро секции народного творчества при Союзе советских писателей. Заместитель председателя секции профессор И. Н. Розанов сделал доклад о плане работы секции на ближайшие месяцы. В текущем году намечено широко осветить вопросы взаимосвязи фольклора и литературы, использование фольклора русскими классиками, о границах допустимого вмешательства фольклористов в со-

временное народное творчество и вопросы борьбы с фальсификацией фольклора. В связи с этим решено заслушать доклады на такие темы: «Маяковский и фольклор», «Фольклор братских народов и его художественные переводы», «А. Толстой и фольклор», «М. Шолохов и фольклор», «Антирелигиозный фольклор», «Былины М. С. Крюковой», «Притягания М. Р. Голубовой» и ряд других сообщений.

ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОСКОВСКИХ ПРОЗАИКОВ И ПОЭТОВ

Президиум Союза советских писателей СССР закончил подготовку созываемой 15 марта творческой конференции московских прозаиков и поэтов.

Предстоящая конференция будет первым опытом коллективного обсуждения творчества московских писателей, опытом, расширяющим, правда, на практику конференции областных писателей, но все же имеющим и свои особенности.

В обсуждению на московской конференции намечены произведения, вызвавшие споры, рукописи, еще не опубликованные, работы новых людей в литературе и часть тех произведений, которые незаслуженно были обобщены критикой. В числе книг и рукописей, которые будут обсуждаться на конференции, — повесть В. Авдеева «У нас во дворе», книга стихов Е. Домогатовского «Три времени года», повесть В. Ковалевского «Хозяин трех гор» и его же «Академия необходимых наук», роман С. Колдунова «Ремесло героя», повесть Ю. Крюкова «Инженер», рукопись Б. Захарова «Русская сказка», повесть И. Меньшикова «Друзья из далекого стойбища» и книга его рассказов «Человек не хочет умирать», «Поэма о маяке» П. Семьянина, роман «Дмитрий Донской» Сергея Бородин (А. Саргиджана), «Олеся почта» и «Жал» Н. Незабойа, две книги стихов В. Стрельченко, повесть «Крушной зверь»

и рассказы «Охотник Аверьян» А. Тарасова, поэма «Мать» и сборник стихов А. Яшина, роман «Маруся Журавлева» и повесть «Талисман» Н. Эгарта и, наконец, записки геолога Н. Емельяновой «В Уссурийской тайге».

Литературная жизнь Латвии

Беседа с председателем оргкомитета ССП Латвии Я. Ниелдре

Дни писателей Латвии наполнены напряженной, интенсивной созидательной деятельностью. Союз писателей в Латвии в настоящее время насчитывает уже 35 членов и кандидатов. Оргкомитет систематически рассматривает заявления о приеме новых писателей. На днях в союз был принят поэт Эдуард Эварудис, современник Раиниса и Вейландбаума. В числе членов Союза писателей находится и старый знаток латвийской литературы, библиограф Я. Мисинш, написавший теперь, после многолетнего перерыва, первую критическую работу — обзор творчества одного из писателей эпохи «национального возрождения» (60-е годы прошлого столетия). За последние месяцы во всю ширь проявился талант нового члена Союза латвийских писателей Анны Саксе. Опубликованный в газете «Паломье Латвия» («Советская Латвия») ее первый роман (из эпохи 1905 г.) единодушно признан одним из выдающихся недавних литературных произведений.

Большинство писателей активно участвует в государственной жизни страны. Однако это, разумеется, не мешает развитию молодой советской латвийской литературы, который будет создан через три-четыре месяца, уже можно будет говорить о первых шагах латвийской советской литературы. Драматурги Ю. Ванас и Фр. Руондзелье закончили недавно пьесу о борьбе латвийского народа за советскую власть. Пьеса охватывает период с 1917 по 1940 г. Новая советская пьеса получила высокую оценку при чтке и обсуждении ее в Союзе писателей, и можно не сомневаться, что в ближайшем будущем она прочно войдет в репертуар наших театров. В апреле Издательство художественной литературы Латвии выпустит книгу новых стихов В. Лука на темы о героической борьбе за свободу в период плутократического террора и о жизни современной Советской Латвии. Готовятся новые книги стихов А. Бабиоласа, А. Григулдиса и поэм Ю. Ванаса. В печати находится и книга моих новых рассказов.

Только что вышел в свет впервые публикуемый роман Виллиса Ладиса «Забвтая родина», в которой он рисует жизнь дикаря, попавшего на корабль цивилизованных европейцев. Андрей Улит начал печатать в журнале «Атланта» («Отдышка») первые главы своего нового романа из времен господства Ульманиса. Многие писатели, работающие над современными темами, печатают свои произведения в газетах и журналах. Большинство членов Союза писателей работает над художественными произведениями для декады латвийского искусства, которая состоится в Москве в октябре текущего года. Драматург и поэт Я. Судрабальо работает над либретто новой советской оперы. А Чакс пишет либретто по пьесе Раиниса «Золотой хмель». Значительно перерабатывается либретто двух популярных в Латвии национальных опер «Огонь и ночь» и «Балюта» (А. Чакс и П. Вишило).

По согласованию с авторами, произведения которых будут обсуждаться, заранее намечены докладчики, получено также согласие ряда писателей и критиков принять участие в обсуждении. Всем благоприятно разосланы произведения тех авторов, творчество которых будет обсуждаться, и самим этим авторам дана возможность предварительно ознакомиться со всеми произведениями, поставленными в повестку дня конференции. Разбору творчества каждого автора посвящаются специальные вечера. Обсуждения будут происходить по календарному плану два-три раза в неделю под председательством А. Фадеева, Н. Погодина, П. Павлетко, Ф. Глазкова, К. Федина, В. Випшевского и других членов правления и президиума ССП.

Внимательный, всесторонний анализ идейной стороны произведения, степени художественного мастерства писателя, определение творческой индивидуальности его, пройденного им пути и очертающий предстоящего — это основные задачи, которые стоят перед докладчиками и всеми участниками конференции.

За неделю

Украинский художник Д. Н. Шавынский написал портрет Шевченко по заказу Центрального государственного музея Т. Г. Шевченко в Киеве. Этот портрет будет выткан украинскими колхозницами-ковровщицами. Фото Н. Бодя (Фото ТАСС).

МОЛДАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На последнем заседании бюро национальных комиссий с докладом о состоянии молдавской литературы выступил т. Ивантер. — В Кишиневе в настоящее время, — сказал докладчик, — много писателей. Однако процесс изучения их творчества начался лишь недавно, и теперь можно приступить к приему в члены Союза писателей с тем, чтобы в мае созвать писательский съезд.

Творческие вечера тт. Букова, Деляну и др. вызвали большой интерес. Произведения их идейно были и прежде близки нам. Своей творческой индивидуальности и поиски новых форм выгодно отличают их последние произведения.

Группу еврейских писателей возглавляют талантливые прозаик М. Альтман, поэт Рыбин и беллетрист Шрейбман. Произведения этих писателей свидетельствуют о большой зрелости и стремлении к совершенству и о стремлении понять все особенности советской действительности.

Выступивший с докладом т. Константитовский указал на низкий художественный уровень выходившего в Кишиневе журнала «Октябрь». В заключение т. Константитовский ознакомил бюро с классической молдавской литературой.

В ОБОРОННОЙ КОМИССИИ ССП

Бюро оборонной комиссии ССП обдумало на днях вопрос о творческой помощи журналом «Красноармеец» и «Краснофлотец». Журнал «Краснофлотец», издававшийся до сих пор в Ленинграде, сейчас переведен в Москву. Здесь он будет выходить два раза в месяц.

На заседании с информационной выступил представитель Главного управления политического пропаганды Военно-Морского Флота, зам. нач. отдела печати т. Пашенко. Он просил Союз писателей помочь журналу «Краснофлотец» создать кадры постоянных авторов из писателей, а также принять более активное участие в написании истории боевых кораблей, выдать книги и сборники ко дню Военно-Морского Флота.

Эти предложения были приняты. Кроме того, в ближайшее время решено устроить вечера встреч редакций журналов «Красноармеец» и «Краснофлотец» с писателями и активом авторов.

На этом же заседании оборонной комиссии был обсужден вопрос об участии писателей в издаваемой Госполитиздатом серии массовых брошюр: «Красная Армия и ее героические подвиги». Выслана первая группа писателей, в которую вошли В. Стровский, С. Ващенко, Л. Никулин, А. Исабах, Н. Шлапов и другие, приступившие уже к работе над отдельными темами для этой серии.

НА РОДИНЕ Д. ФУРМАНОВА

ИВАНОВО. (Наш корр.). Ивановский обком ВКП(б) принял специальное постановление об ознаменовании 15-летия со дня смерти писателя-большевика Дм. Фурманова.

15 марта в Иваново будет проведено общегородское собрание партийного, советского актива и представителей общественных организаций, посвященное Фурманову. На предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях города состоятся беседы, доклады и вечера воспоминаний о жизни, деятельности и литературном творчестве писателя. Фрунзенским райком ВКП(б) организует доклады о Фурманове для партийного актива своего района.

Во всех клубах и библиотеках города устраиваются выставки произведений и фотоматериалов о Дмитрии Фурманове. Ивановское издательство выпустило книгу А. Н. Фурмановой «Дмитрий Фурманов», а также большой красочный плакат работы ивановского художника И. Колоткова.

Областной краеведческий музей вывешивает в г. Иваново плакат, связанный с жизнью и революционной деятельностью Д. Фурманова. Все они будут отмечены мемориальными досками.

ВОЕННЫЕ КУРСЫ ПИСАТЕЛЕЙ

5 марта при Военно-политической академии им. Ленина в Москве началось занятия на военных курсах писателей, организованных оборонной комиссией ССП совместно с Главным управлением политического пропаганды РККА.

На военных курсах зачислено 60 писателей. Писатели прослушают цикл лекций об истории войны, получат необходимые знания по тактике, познанию особенностей топографией, материальной частью оружия, основным родам войск, их взаимодействию и т. п.

Летом в течение нескольких недель занятия будут проводиться в лагерях учебных.

В клубе писателей (Москва) с 1 октября 1940 г. работает филиал университета марксизма-ленинизма; занятия проходят ежедневно. На снимке — на занятиях университета. Фото В. Лагина.

«Шевченко» Мариэтты Шагинян — несравнимая книга. Ее читаешь с неслыханным интересом. Автор сумел на многие поколения взглянуть с новой, неожиданной точкой зрения; известные, всем знакомые факты из биографии и деятельности великого поэта показаны в необычном ракурсе. В силу этого затверженные, ставшие банальными представления о Шевченко оживают, делаются по-новому убедительными.

Всем известно, что свобода — «спланировано», как называл Шевченко свой выкуп на волю, пробудила в нем поэта. Его поэтический талант был создан. М. Шагинян очень остро и убедительно объясняет его своеобразное проявление даровитости природы Шевченко социальными условиями. Не поэта изложения пересказом, дадим слово самому исследователю: «Господствующей чертой личности Шевченко было сознание себя сыном своего народа (подчеркнуто автором.—Н. Б.). Сознание, что его «выкупили» из рабства, еще сильнее и крепче связывало и его чувства, и его мысли с теми «невыкупленными» миллионами, из среды которых он вышел. И, имея возможность выразить эту связь в красках и кистию, заговорить за свой народ силами живописи, с полнотой разговаривать за его дело, зажить ненависть к его палачам, — Шевченко берет за перо, становится поэтом. И сознание этой связи, чувство классового общности с трудящимися определяет и выработку его эстетических взглядов.

Кто не помнит стихотворения «Садок вишневый коло хата», о котором И. С. Турганов сказал, что «вся южно-русская задумчивость, магнолия и крошечность, поэтическая струя, влившая в нем (т. е. в Шевченко), тут ясно выступила на поверхность»? М. Шагинян дает этому стихотворению новое прощупанное истолкование.

Ну, кто не знает того факта, что называвшаяся в «друзьях» Шевченко буржуазные украинские националисты — П. Буша и другие приняли все меры к тому, чтобы скрыть, утаить его прозаические произведения, написанные на русском языке? Всем известны печистопольские побуждения, руководившие этими людьми. Тем не менее читатель с интересом прочтет страницы 61—65 в книге М. Шагинян, где она тонко и убедительно раскрывает предосудительный смысл «комиссии» с рукописями Шевченко.

Но этим далеко не исчерпываются интерес и свежесть книги. В работе М. Шагинян перед читателем встает такой привлекательный образ великого поэта, такой необычайно трогательный и в то же время необычайно суровый, непримиримый во всем, что касается его заветных дум и мыслей, что книгу закрываешь на последней странице с неохотой, с сожалением, что нельзя пролить беседу о большом человеке и разностороннем гении.

В историческом облике Шевченко автор правильно уловил черты, сближающие его с людьми эпохи Возрождения.

Эти черты характера и политические единения (вернее, единство) сближали поэта с лагерем русских революционных демократов и их вождями Чернышевским и Добролюбовым. К Шевченко, Чернышевскому и Добролюбову, этим «титанам по силе мысли, страстности и характеру», вполне приложимы слова Ф. Энгельса о людях эпохи возрождения:

«Мариэтта Шагинян. «Шевченко». Государственное издательство «Художественная литература». Москва, 1941 г.

«Они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них великих людей».

Вполне оправданным представляется мысль М. Шагинян о взаимоотношениях Шевченко и Чернышевского, то-есть о том, что не только идеи революционной русской демократии влияли на Шевченко, но и сами революционные демократы подавали возделание Шевченко, его «судьбы, его болевую, выпрыгнутое в смысле политического авторитета». В разгар борьбы Чернышевского за интересы крестьянства Шевченко, по острому определению Шагинян, «принимал с собой... фактическое представительство от настоящего, живого народа, от крестьянских масс... с ним входил в круг жизни Чернышевского тот самый крестьянский революционер, о котором он мечтал всей своей деятельностью публициста» (подчеркнуто автором). Своей позицией Шевченко во многом помогал Чернышевскому. Опираясь на авторитет поэта, «имя которого драгоценно каждому малороссу» (слова Чернышевского), он оформлял в верные прозвучавшие в русской печати закон о классовом размежевании и борьбе украинских и польских помещиков с украинскими и польскими помещиками (в статье «Национальная бедность», 1861 г.). Безусловно, ценным научным открытием (глава «Связь с Чернышевским») является также впервые установленный М. Шагинян — на основании подлинного документа — факт личных встреч Шевченко с Чернышевским за время с 2 по 22 сентября 1859 г. Пережив большие события в своей жизни, Чернышевский — встреч в Лондоне с Герценом, а Шевченко — третий арест на родине, они могли многое поведать друг другу.

В лице Добролюбова Шевченко нашел глубокого, по сей день непревзойденного истолкователя своей поэзии. Следуя за Добролюбовым, М. Шагинян в главе «Поэтика Бобзаря» раскрывает и углубляет смысл широко распространенного определения Шевченко как народного поэта. «Литературный стиль своего народа и выразитель их в искусстве», — говорит Шагинян, — значит в какой-то мере пробивать ему (т. е. народу.—Н. Б.) дорогу в будущее, закладывая основы культуры этого будущего, вести за собой свой народ. Знать его прошлое, жить с ним в настоящем и провидеть его в будущем — вот как бы триединая формула связи художника с своим народом. Нет слов — все это верно. Но надо бы конкретно указать, какие же чаяния народа, порожденные его прошлым и настоящим социальным положением, и какие мечты народа о будущем выражал Шевченко.

Правда, в ряде мест книги М. Шагинян мы находим ответы на эти вопросы. Заслуживая анализ прозаических повестей Шевченко, М. Шагинян пишет: «Можно сказать, что у него (Шевченко.—Н. Б.) только одна — единственная тема, но зато это самая сильная и самая основная тема на земле. Определить ее можно тремя положениями: жалоба человеческой жизни, простой человеческой жизни, в труде, в кругу семьи, в природе, в познании, в творчестве; невозможность осуществить эту человеческую жизнь в условиях царского, капиталистического строя; и страстный, революционный протест против этого строя, мечтающего человеку быть человеком».

Затем показан идеал Шевченко: «Художник в Шевченко тоскует, в сущности, по тому справедливому порядку вещей, при котором жить мирно, жить трудясь, и «людей любить» — будет возможно и уже не стыдно, и не только не стыдно, но в самом труде, как таковом, жестком, личном труде — уже будет как бы присутствовать и справедливая общественная функция. Однако этим исчерпывается далеко не все идейное богатство взглядов Шевченко. Приходится показать о том, что автор не исходил здесь из отрицательных богатых перспектив для анализа поэтического дара Шевченко слов В. И. Ленина об эпохе, когда писал Шевченко, и настроений масс. Для этой эпохи, говорил Ленин, «типично пробуждение национальных движений, возмеченное в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на ноге» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности».

М. Шагинян кладет почин в этой книге научному изучению живописи Шевченко. Авторы большинства существующих работ о Шевченко-художнике не пошли далее описаний в связи с биографическими данными, они говорят о технических приемах Шевченко. М. Шагинян заново и строго научно поставила вопрос о том, в чем любимым ученик Брюллова пошел дальше своего учителя, каким образом Шевченко отказался от идеалистической эстетики и выработал эстетику материалистическую.

Повольно восхищаться блестящими результатами исследования М. Шагинян — открытием «угаженной» и ранее неизвестной любви Шевченко к Анне Ивановне Захаревич. Путем тонкого и кропотливого анализа документов, рукописного материала, как неоконченный отрывок бездистрикционного опыта В. И. Репина (неудачная ревность и неразделенная любовь к Шевченко, Репин впоследствии рассказывал о перипетиях этого любовного эпизода), М. Шагинян воскресила перед нами яркую и новую страницу из жизни Шевченко.

Учительский метод автора, изучающего историю, с какой веера свои тщательно подобранные розетки М. Шагинян, оправдываясь перед читателем, М. Шагинян приоткрывает завесу над тем, как она вела свои трудные поиски: «Читатель должен серьезно рассердиться на меня за все эти подробности... А между тем, подробности эти нужны, они рассказаны с величайшим трудом и подорожью, как беспрерывно из архивов и доловальных». Нет, читатель за это не рассердится, — он с увлечением прочтет страницы, на которых из таких вот мелочей и составляются забытые, но волнующие события жизни поэта. Читатель может упренуть автора только за досадные промахи вроде утверждения, что Шевченко якобы мог познакомиться с известным марксистом В. Аксеновым в Киеве в 1848 г. (см. стр. 233), тогда как мы знаем, что Шевченко был арестован 5 апреля 1847 г.; он упренит за чересур строгое осуждение старых революционеров, в числе которых был И. Курочкин — друг и одноименный Шевченко, и будет недоумевать, почему автор так безоговорочно утверждает, что в современных бездистрикционных повестях, как правило, глубоко искажаются и обстановки, и образы поэты».

Но все это мелочи, ни в какой степени не снижающие большого познавательного значения новой работы М. Шагинян.

Во второй половине марта в Центральном зале «Всесоюзной» организуется выставка картин одного из мастеров советской живописи — заслуженного деятеля искусства П. П. Кончаловского. На снимке — картина «Первый снег».

ВОСЬМОЙ ТОМ «ЛЕТОПИСЕЙ»

Государственным Литературным музеем подготовлен к печати восьмой том «Летописей». Писателям русских писателей и А. В. Дружинину. Автор «Политики Сакса», переводчик Шекспира и редактор разных литературных журналов, Дружинин состоял в деятельной переписке со всеми крупнейшими русскими писателями середины прошлого столетия. Среди 350 писем, вошедших в книгу, имеется ряд писем И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыков-Щедрина, А. А. Фета, И. А. Гончарова и др. А. В. Дружинин явился также соиздателем «Литературного фонда». Активно поддерживая этому начинанию оказывал И. С. Тургенев.

В своем письме от 25 августа 1858 г. И. С. Тургенев писал (публикуется впервые): «Я лично присутствовал на обеде «Littorati Fund» и имел даже в руках книжечку, в которой излагалось все его прошлое и т. д. «L.F.» основан, как все в Англии, частным человеком в прошлом столетии. Дискон сообразно с ним за то, что по его понятию, он тратит слишком много денег на администрацию... Заседание было довольно любопытное (хотя Тургенев по болезни не было). Я рад сотрудничеству у успеху такого доброго дела, каково основание фонда у нас... Мне еще приятно было бы, если бы фонд этот основался дружным и бескорыстным участием литературоведов, а не по милости какого-нибудь призрачного мецената. К тому же наши меценаты большей частью скуны».

3 октября этого же года И. С. Тургенев снова писал: «Литературный фонд я также не забуду и намерен устроить в Париже чтения в его пользу. В этом же письме из села Спаское Тургенев сообщает о Л. Н. Толстом: «Толстого я видел медом, раз у него, раз у себя. Он весь теперь погружен в экономку, таскает сам снопы на спине, забывает в крестьянку и слышать не хочет о литературе». В примечаниях к письмам (редактор издания и автор комментариев П. С. Попов) использованы также и неопубликованные письма Дружинина к русским писателям, а также его Дневники 1851—58 г.

«Летопись» обемом в 26 печатных листах, выйдут пятидесятичным тиражом.

Ю. ДАНИЛИН

МОНОГРАФИЯ О ЗОЛЯ

Ограниченными малым объемом книги, М. Клеман и В. Рензов вынуждены были с предельной сложностью разработать все стороны сложной темы. Эта задача выполнена ими в основном вполне успешно, хотя и в ряде мест книга написана с чрезмерной конспективной скудостью, без развертывания всей документации, которая требовалась бы в таком объеме. Чересур белое, а главное, сухое, написано на биография Золя, — первое, что открывается в книге перед читателем. Как очевидно, это очерк попытки критических «сбав», которые Золя писал каждое утро, или бытовые подробности жизни юного Золя в его холодной мансарде!

Впрочем, взятый автором тон суровой и скатой деловитости вполне вливается в остальной содержание книги. За биографией следует глава «Теория научного творчества Золя от реализма Вальака, Фабра и Гонкура, и обстоятельно доказывает, что теория «научного» романа Золя сложилась не только под обилием влияния позитивизма, но и под сильным воздействием системы Тена.

Черезвычайно интересны высказывания авторов о попытке Золя сочетать биологический и социальный планы серии «Ругом-Маккары».

За последние годы в работах некоторых советских историков литературы наблюдается тенденция к заигрыванию биологической темой Золя и к акцентированию его романов, как исключительно социальных полотен. Что в романах Золя, в большинстве случаев, социальная тема преобладает над биологической, — это несомненно. Однако воплотить эту биологическую тему было бы ошибкой, ибо Золя без нее — уже не Золя.

Справедливо признавая, что романы Золя, особенно из серии «Ругом-Маккары», оказались преобладающе социальными, М. Клеман и В. Рензов с большим искусством и тонкостью объясняют, как же случилось, что физиологическая тема утратила свой приоритет. Ведь Золя первоначально полагал, что именно «заученные стемперamentos», изучение наследственности — подделает научную базу под изучение социальных явлений». Но, оказывается, что Золя в сущности поступил наоборот: желая сделать семью Ругом-Маккары типичной для данной эпохи, он взял характерные черты эпохи и наделил свои персонажи соответствующими этим чертам наследственными наклонностями. Серия, которую я предположил исследовать, — это не столько стремление к наследственности, сколько стремление к наследственности. Таким образом, замечают авторы, «формулировка слов плав, как залучу биологического обоснования эпохи, Золя на самом деле перенес социальные черты персонажей на изучение действительности в биологическую характеристику персонажей». Тем самым определялась доминанта социальной темы в серии «Ругом-Маккары».

Остаточными вытекают из характеристики этой серии, авторы указывают, что «дальнейшие роли отдают членам этой семьи, вопросам наследственности отходят на задний план». В большинстве М. Клеман и В. Рензов. «Зимняя Золя». Изд-во «Советский писатель», Л., 1940 г.

Но дальше авторы говорят о «неопределенности», «неуловимости» роли наследственности в судьбе отдельных членов семьи Ругом-Маккары. А на этом пути им грозит опасность ликвидации физиологической темы Золя. Отмечаем это не в порядке упрека авторам, добросовестность, научная осторожность и урдуция которых неоспоримы, а лишь в порядке замечания. Если в «Докторе Паскале» Золя подводит итоги физиологическому плану серии «Ругом-Маккары», то о чем же, собственно, могла идти речь, если, по мнению новейших исследователей (не только авторов данной книги), в этом вопросе преобладает «неопределенность» и «неуловимость»? Вот почему представляется весьма желательным появление специальной работы на тему о том, как понимал Золя законы наследственности в связи с теорией доктора Льюка и с последующими изысканиями французских физиологов 70—90-х гг.

М. Клеман и В. Рензов отводят большое место рассмотрению серии «Ругом-Маккары», оставаясь на особенностях каждого романа. Очень удачным является сопоставление ими «Чрева Парижа» с «Собором Парижской Богоматери» для иллюстрации противоположности и близости романтической и натуралистической школ. Можно было бы отметить ряд других удачных, порою блестящих страниц. В последующих главах дан анализ пьесы «Города» и «Евангелия». Спокойный тон книги настораживает здесь ироническими интонациями слезливого памфлетности. Она неизбежна при рассмотрении социальнотуполических мифов и эволюционности Золя, погнавшего на рубеже XX века реставрировать старомодные теории Фурье.

Новая монография о Золя, при всей ее крайней сжатости, успешно выполняет свою задачу. Творчество Золя получает здесь полную и всестороннюю характеристику. Оно тщательно, вдумчиво и критично проследено во всех этапах и закономерностях своего развития, во всех явлениях, под которыми оно сложилось, во всей сложности и противоречивости своего художественного метода, во всем демократичном и критическом-разоблачительном пафосе своего реализма и, наконец, во всех своих формальных особенностях. Советская историко-литературная наука достойно отличилась этой книгой на минути столетия юбилей Золя.

Мы уже упоминали некоторые недостатки книги. Хотелось бы отметить, что авторы не сказали ни слова об оценке «Западня» Ладаргом. На стр. 38 торопливо сказано, что надробная роль Анатолия Франса выражала «чувства всего молодого поколения писателей», и может содействовать впечатлению, что академик Франс, которому было уже 58 лет, причисляется авторам к литературной молодежи. Трудно согласиться с тем, что «Его преносходительство Эжен Руто» является «самым бедным, наименее выразительным романом» в серии «Ругом-Маккары». Ряд замечаний следовало бы сделать по явлению книги, тяжелой тому и недостаточное отшлифованному. Ограничимся только одним примером: «Прежде всего сила инстинктивных влечений проявляется у героев Золя в виде редкой вспышки, как случайное явление, а не как устойчивый комплекс побуждений, определяющий все поведение персонажа». Но это — уже подчет и редактур.

Евг. ЛАНЦ.

М. ЧЕЧАНОВСКИЙ

Мич Уилнер освобождается от иллюзий

Оскар Линдстрем, влюбленный в свое ремесло чикагский прокатчик и сын прокатчика, которому вчера еще казалась, что он просто ходит по земле, уловил в завод. Машина заняла его место. Умирал на большой койке, он слышал жене, чтобы она не отдавала детей на стальные кровати завод — у прокатчиков нет будущего.

Эго они — Эго Линдстрем — один из десяти, кого чикагская полиция убила на демонстрации забастовщиков 4 июля 1937 г., как раз в день празднования американской конституции.

Несколько тысяч металлистов поднялись против увольнения «лишних рук». Без дуриной, без револьверов, вооруженные одной силой протеста, они вышли на заводскую площадь вместе с женами и детьми.

И здесь разразился один из классических случаев торжества капиталистической техники. Доверчивых граждан завода встретил обломком слезоточивых газов. Водозуку полиция прохнула настоящие пулями, хотя кое-кому по наивности казалось, что это только холодные хлопощушки.

М. Levine. Citizens. Viking Press. New-York, 1940.

нужу человека врач обман обличает, потому что ценность человеческой жизни ни с чем несоизмерима. В них снова будут стремиться, чтобы добить их? Такова задача общества, в котором Мич Уилнер живет. Как же сочетать эти взаимосоключающие кодексы морали? Как пришить нормы профессионального поведения, осуждающие ускорение смерти даже безнадлежащего больного, с принципами физического уничтожения здоровых работников-опососных людей?

Мич Уилнер впервые задумывается над этим противоречием, из которого пока нет для него выхода. Но уже то хорошо, что доктор не боится констатировать в себе признаки болезни, — он сознает, что пребывает в плену слезоточивых ускорений, которые мешали ему проникнуть в реальную жизнь.

Роман М. Левина знакомит с первыми попытками ученого терапевта разобратся в социальной терапии. Начинается с того, что Уилнер спрашивает себя: почему право рабочих на демонстрацию, на стачку, на выставление пикета, почему это законное право американских граждан поножается, к тому же с непервойной жесткостью? Он ищет объяснений для этого трудного, внезапно перед ним представшего вопроса с таким же терпением и тщательностью, с каким работает над проблемами аллергии и анафилактики.

Нельзя отказать Уилнеру в настойчивости. Он забрасывает свою экспериментальную работу. Выдержав три недели в атаке со стороны жены, организованной буржуазно-медицинскими зятьей семей, клиникой, медицинской практикой. Уилнер держится твердо: «Все, что я делаю сейчас, необходимо мне самому. Я чувствую, что должен знать об этих вещах, которыми до сих пор пренебрегают». Он подчеркивает, что дело не в добрых чувствах, а в потребности точного знания. Чтобы добыть истину, Уилнер допрашивает участников и руководителей стачки, сталкивает людей противоположных точек зрения, придирично заведывает все показания, но усночивает не может. Он все еще преподносит целомудренное доверия к основам буржуазного законодательства. Пусть местные власти совершают тысячу ошибок, он согласен даже назвать «попытку притеснения» не есть федеральное правительство, атаки «бактериофаг», который заигрывает народ от инфекции беззакония». Так думает «истинный демократ» Мич Уилнер, пока не сталкивается лицом к лицу с органом, фигурирующим в романе под весьма прозрачным псевдонимом комитет Готтвальда.

Именно в инстанциях, которая издала приказы Уилнеру чуть не средоточием общественного разума и справедливости, доктор получил самый сильный, самый отрезывающий удар. Он не допускал и возможности такого глумления, предельно циничного, замешанного на густой дощити.

В качестве врача, установившего клиническую картину ранений от полицейских пуль, свидетельствует он перед комитетом Готтвальда. Кто же смеет брать под сомнение его неопровержимое, скрупулезное показание? Мало того, что его третируют как опендента, его, честного американского гражданина, заподозрили в как-то «темных связях» с «непатриотическими элементами», его обвиняют в пристрастии, в вымыслах, в лжесвидетельстве. Он возмущен этим комитетом из физиологических душителей и благожелательных компромиссных иллюзий Мича Уилнера. Он усночивает в силе и либерализме радикалов.

Здесь через книгу Меера Левина происходит, пожалуй, самый чувствительный нерв. Дальше напряжение заметно убывает. Точно удовлетворив свои наиболее острые познавательные интересы и освоившись от кое-каких иллюзий, Мич Уилнер остановился в раздумье.

Гораций и по-своему честный доктор не рвет с иллюзиями, он грустно с ними прощается. Уже перед закрытием романа Уилнер признается, что ему, собственно, неясно, какой из мнений сердцу прирывать он предпочел бы сохранить, если бы действительность не вмешивалась в мир его либерально-демократических иллюзий.

Правда, с помощью нового социального опыта Мич Уилнер поддается до признания некоей абстрактной борьбе в мире. Борьба, в которой ему надлежит активно участвовать. Но как эту активность осуществлять, — он хорошо не знает. Он завидует решительности мексиканца Эмиля, израненного чикагского стачечника, который уехал драться в республиканскую Испанию, потому что «знание сохранено им чудом и, следовательно, больше ему не принадлежит».

Доктор неперх помечать об Испании, посещает семьи убитых металлистов, входит в чужое горе и искренно восхищается тем, что Сантьяго-Шидри называл «разговорным погодованием».

Уилнер буржуазный интеллигентный много еще надо пережить и переосмыслить в своем опыте, чтобы понять природу коммунистических реакций, в которых сотрется весь капиталистический мир.

В этом смысле молодой американский писатель правдиво показывает трудности освобождения квалифицированного интеллигента от буржуазной оежки и буржуазных способов мышления на современном этапе классовой борьбы в США. Таким образом, как доктор Уилнер или его коллега Эмиль, Мичонин из романа Крупина объясняет, объективно нехватает асносии социального зренья и моральной стойкости, чтобы сегодня увидеть в пролетариате репаную политическую силу.

Нужно сказать, что Мееру Левину в романе «Граждане» психология колеблется, правдоподобнее ищее и ближе, чем путь рабочего, преодолевшего в годы социальных конфликтов отсталое индивидуальное сознание. Именно эти ограниченности писательского мировоззрения можно объяснить особенностями структуры и стиля романа.

Характерно, что для образа Уилнера отпущены наиболее интенсивные краски и патетические черты. Автор подмывает Уилнера на высоту чуть ли не интеллеktуальной совести человечества, но для этого доктор слишком слоен, безхарактерен, растерян.

Между тем, трагедия Оскара Линдстрема едва намечена средствами романтажа. Старый прокатчик не дает себя забавовать в компанейский спорт, орудие заводовая предельца, и вместе с тем намеревается продолжить известное свой и инстинктивные линии социального «спира», мастера Коглина, поочью рабочим создать свой союз. Липшицев зренья, потеряв сыновей, после демонстрации 4 июля 1937 г. Оскар Линдстрем, повидимому, прозрел политически, но об этом можно лишь догадываться.

ДЖОН КИТС

120 лет со дня смерти

В 1817 году вышел в Англии томик стихов, озаглавленный «Роэм». Читатели почти не заметили его. Кивкальда в этой книге одалом с метафорам влиае Спенсера. Безупречные по вкусу эллистические образы можно было найти в этой книге одалом с ученическими подражаниями поэту и критику Ли Ханту.

Из кружка последнего и вышел Джон Китс. Когда издана была — через год — вторая книга стихов Китса с поэмой «Ондимно» о прекрасном пастухе, возлюбленном богини, погруженном в вечный сон, — журнал «Трехмесячное обозрение», редактируемый с Ли Хантом и редактурой одним из журналистов «Исследователь», выступил с грубой критикой поэзии Китса. Греческий миф был отяжелен Китсом, это несомненно, но не этим обосновывалась резкость оценки. От протирания, вызванного пренебрежительностью «Обозревателя», Китс не оправился до конца дней. Прошло еще два года, и вышла третья книга стихов Китса, а затем он вскоре умер от скоротечной чахотки. Ему было тогда двадцать пять лет.

В этой, третьей, книжке — самая совершенная лирика Китса. В ней поэма «Ламия» и конючая поэма «Гиперон».

Китс был младшим современником Байрона и Мура, Шелли и Скотта, Колриджа и Вордсворта. Но если мы хотим выразить из этого блестящего ряда самого чистого лирика, наша рука протянется к Китсу. В истории английской поэзии Китс отделил одно из самых высоких мест.

В 1817 году вышел в Англии томик стихов, озаглавленный «Роэм». Читатели почти не заметили его. Кивкальда в этой книге одалом с метафорам влиае Спенсера. Безупречные по вкусу эллистические образы можно было найти в этой книге одалом с ученическими подражаниями поэту и критику Ли Ханту. Из кружка последнего и вышел Джон Китс. Когда издана была — через год — вторая книга стихов Китса с поэмой «Ондимно» о прекрасном пастухе, возлюбленном богини, погруженном в вечный сон, — журнал «Трехмесячное обозрение», редактируемый с Ли Хантом и редактурой одним из журналистов «Исследователь», выступил с грубой критикой поэзии Китса. Греческий миф был отяжелен Китсом, это несомненно, но не этим обосновывалась резкость оценки. От протирания, вызванного пренебрежительностью «Обозревателя», Китс не оправился до конца дней. Прошло еще два года, и вышла третья книга стихов Китса, а затем он вскоре умер от скоротечной чахотки. Ему было тогда двадцать пять лет.

В этой, третьей, книжке — самая совершенная лирика Китса. В ней поэма «Ламия» и конючая поэма «Гиперон».

Китс был младшим современником Байрона и Мура, Шелли и Скотта, Колриджа и Вордсворта. Но если мы хотим выразить из этого блестящего ряда самого чистого лирика, наша рука протянется к Китсу. В истории английской поэзии Китс отделил одно из самых высоких мест.

В «Инженере» ясно виден знакомый по «Танкере» «Дербенту» облик писателя, для которого литература есть прежде всего средство борьбы, способ участия в решении больших злободневных общественных задач.

Действие повести относится к 1937 г. Нарисована жизнь предпринимателя, руководящего заводом, работающего, как «инженер», без перспектив, без стремления к уверенному, прочному ритму, без веры «руководителей» в самую возможность такого ритма. Это именно тот вид канцелярско-бюрократического руководства, при котором план «выполняется» посредством штурмовщины и аррала, выполняется «в обход и целом».

В «Инженере» этот «стиль» воплощен в фигуре Емичнова, управляющего «Рамбленкофтом». Но Емичнов — не просто человек, не умеющий работать по-советски. Своим неуменем он считает единственно возможным «стилем» работы, обобщает и оправдывает. Емичнов написан Крымовым интересно, к этой фигуре следует внимательно присматриваться. По-приятельски Емичнов признается Стамову, своему студентскому товарищу:

«Я работаю, как вол, как двуязычный морт... — сказал Емичнов. — И я не люблю отдыхать. Во время отдыха я чувствую себя обремененным, как эта речка... Наш образ, хозяйственный, но зато пологием работами текущего дня, что не замечает, как происходит этот день. Это даже хороший признак, если даже промахиваешься... Знаешь, не было неприятностей, ха-ха! Только кто согрет его с доски тряпкой, и на его месте возникнет новое число, месяц, год. Отношение дни не поминивается; работы, наполняющие их, теряют значение. Будущие дни не существуют, раз мы их не знаем (да и не хотим знать). Остается сегодняшний день. Мы все — как отрывные канцелярии, ей богу».

— Перестать, ну тебя к черту! — перебил Стамов. Он повалил плечами, точно от холода, и в глазах его было недоумение».

В этом высказывании — суть Емичнова. Крымову удалось поймать подлинную жизненную правду, сделать для читателя совершенно ясной всю внутреннюю, психологическую сторону перерождения Емичнова.

Емичнов потому и не может испытывать радость ни от своей работы, ни от отдыха, что он чужд творчеству, перед его глазами — только сегодняшняя «текучка». А если это так, если любой момент сегодняшней работы не осмысливается, как часть непрерывного творческого процесса, и если это возведено в принцип, то и возникает психология «изворачивания», психология человека, для которого прожить день значит продремать, психология формального «отбывания» работы. Это приводит Емичнова к формальному отбыванию жизни, т. е. к моральному и общему человеческому измыванию, опустошению и дешеному цинизму.

Очень любопытна нарисованная Крымовым связь между «текучкой» в труде, из которой Емичнов делает принцип, и общей «текучкой» жизни у Емичнова, когда все, в сущности, неинтересно, мертво, пусто. Связь между тем, как человек работает, как он считает нужным работать, и между всеми другими сторонами его жизни — своеобразная тема советской литературы. Горький писал: «Хорошо работает — хорошо жить».

В «Танкере» «Дербенте» образ, родственный Емичнову, — капитан Кутасов — несравненно более примитивен: это только обыватель, мечущийся о спокойствии Емичнов — новая фигура и для Крымова и для нашей литературы, хотя он, конечно, и рождается различными бюрократом, нарисованным нашими писателями.

В «Инженере» Крымов глубже, чем в «Танкере», проникает в природу своих противников. А противники его — все те, кто враждебно творческому отношению к жизни, обыватели и «отбыватели».

Мы знаем гениальный образ формально отбывателя жизни — князя Ивановича Самгина. В его религиозном восприятии действительности — тоже сплошная «текучка». «Что можно сказать о семье, — рассуждает Самгин, — кроме: «Я видел то, видел это? Самгин — «ангел», но столько мыслящий, сколько «рас-суждающий», как характеризует его один

Ю. Крымов. «Инженер». «Красная новь» № 1, 1941 г.

на персонаже. В опустошенности Емичнова есть самгиновское.

В наши дни Емичнова, даже в интимных беседах, ни за что не решится высказать те мысли, которые высказывает Емичнов Стамову. Но всегда на всех этапах, эти люди формально воспринимают все то, что выработала партия, страна, в итоге творческого труда, творческой мысли! Емичновы — это вовсе не те советские люди, которые еще не умеют, но хотят научиться работать. Емичновы хотят только держаться, как Самгин всю жизнь хотел казаться.

Формальное отбывание жизни означает бессердечие. И в самом деле, Емичнов ослепко отдает молодого техника Алексея Петина, ценное рационализаторское предложение которого оказалось экономически невыгодным. Благодаря тому что Емичнов сознательно, не обесценил условия. Крымов, прояснив природу «емичновщины», усиливает наше отвращение к ней, желание уничтожить все зародыши ее.

Много омерзительного могли бы сделать Емичновы, если бы им не противостояла вся наша жизнь, вся масса советского рабочего класса. Одно из главных достоинств Крымова — умение вызвать в читателе реальный образ массы. Как достигает это?

Стахановец Шени, которого к концу повести назначают на место Емичнова, шесть лет назад пришел на строительство из станицы Тихорецкой в качестве сезонника-землекопа, с намерением подзаработать и вернуться обратно. Строительством не интересовало его.

В «Рамбленкофте» работает артель землекопов, пытается человек. Они живут обособленно, чувствуют себя здесь временными людьми, все они — тоже из станицы Тихорецкой. Они гордятся Аню, хорошего советского инженера, жену Емичнова, многим: грубостью, ограниченностью технического «веденья» себя шумно, слушали безучастно и нарочно задавали разные вопросы, чтобы помянуть. Но только один из них, заныканный, прибжал к Ане и «положил на стол листок бумаги, вышканный ржавчиной. Переводя дух и разглаживая бумагу грязной ладонью, он расскажал, как техник перепутал обвязку труб, как он заметил и указал на это, и они поссорились».

— Ты, — говорит, — здесь от сохи на время, а я пять лет на промыслах, тебе меня не учить... А я говорю: плохо ты жил пять лет, коли ничего не научил».

Так растут Шенины. Незавидный тихорецкий паренек, новый управляющий, Шени еще донашивается ту самую шапку-ушанку из рыжей стальной латуны, в которой он пришел на строительство. И все эти землекопы воспринимаются читателем, как возможные Шенины, и сам Шени реально ощущается, как массовый человек. Это умение дать читателю непрерывное ощущение массы, ее жизни, ценно и в том отношении, что Емичновы занимают свое реальное место. В отличие от тех произведений, в которых враждебные и отрицательные персонажи получают активную, наступательную роль, а наши люди занимают пассивную оборонительную. У Крымова, в соответствии с жизненной правдой, Емичновы вынуждены «обороняться» от действительности, от Шениных, от непрерывно наступающего, побеждающего социализма.

Очень интересно в последней главе, называемой «Творчество», изображение приемов работы Шенина, который освещается с обязанности управляющего. Тут очень ясно видно, что «хорошо работает — хорошо жить».

Трагедия Крымова — человекская трагедия. Крымов учится у Чекова, в частности, умению дать читателю ощущение общности, повседневно изображаемых событий и людей. Не только Шени, но и другие советские люди в повести воспринимаются как один из многих, как люди, которых несет и поднимает самый поток жизни.

Точно так же воспринимался и Басов, герой «Танкера». Но в образе Басова больше удачей было сочетание массовости с ясно очерченным индивидуальным своеобразием, талантливостью, обязательностью. Этот удачей в «Инженере», к сожалению, нет. Басов и Муся воспринимались поэтически. «Инженеру» нехватает этой силы притяжения читательских симпатий к главным героям — Стамову и Ане.

Читатель любит Басова за его творческую силу, за его драку с предельными, за трудности этой драки.

Стамова читателю не за что и любить и не любить.

Стамов не вступает в прямую драку с «емичновщиной» (хотя и находит в себе мужество выступить против емичновского руководства). Но другого поэтического материала, который мог бы «компенсировать» отсутствие драматургического конфликта, у Стамова нет.

Человеческому герою достаточно было бы навредить пошлостью, чтобы читатель любил его. Для героя нашей литературы этого мало, тем более, что даже и в любви Стамова к емичновской пошлости недостаточно чувствуется великая, захватывающая сила человека целиком, сила прерия и нежности.

Стамов не входит в такие соприкосновения с действительностью, которые дали бы ему определенность характера. Он скорее присутствует, чем живет в повести.

А между тем Стамов поставлен перед читателем так, что читатель не может не жалеть от него очень много. Уже самое «ведение» Стамова в повесть принадлежит к числу тех многообещающих «ввод», которые делаются только для очень значительных персонажей. Повесть начинается с обвинения в любви Емичнова Ане.

«Валера позади них, по каменному склону брел высокий человек, иногда нагибаясь, поднимая что-то с земли... И потому, что за его спиной стояло солнце, нельзя было разглядеть ни его лица, ни цвета одежды, — все казалось черным».

Это — Стамов, «Большой Сергея», человек, который любил Аню и к которому Аня испытывает чувство нежности.

«А когда погас в купе свет и помчалась в окна красноватые искры, Сергей превратился в великана. Он шагнул по болоту, и было ему трудно идти, но видно было, что Сергей не остановится, пойдет. И он сожаление, а тревожащая зависть чувствовала в себе Аня».

Эта картина перекликается с первой — Стамов поднят очень высоко. Стамов и Емичнов сразу противопоставлены друг другу, как противники во всем — в любви, в труде, во всей жизни. Крымов и дальше ведет дело так, как будто он подготавливает читателя к чему-то очень значительному («великанскому»), связанному со Стамовым (например, неожиданным «ударом» конюшья первой главы). В повести, в которой всего пять глав, третья глава является «Большой Сергеем». Стамов — это главное центральное лицо, по которому, кроме пошлых разговоров, не занят. Отвечая на вопрос Катюшина о муже, Ольга говорит: «Он только муж, не больше. Это странно, не правда ли? Но я говорю серьезно. За двадцать два года я не сумела завести ни друзей, ни подру... о друзей с мужчинами и говорить нечего. Мешает моя красивая внешность (?)». От своего мужа, который по ее словам «неискренен и не достоин любви», Ольга не уходит только потому, что беременна. По этой же причине она не может уйти к Катюшину, любовь которого кажется ей искренней: «Я не верю в чувства отцовской любви к чужим детям... и если люди берутся воспитывать чужих детей, то делают это или по необходимости или просто пеняются тем, что это в духе времени».

Этого достаточно для того, чтобы составить представление о женщине, которая, по замыслу автора, является положитель-

«Емичновцы» затравили Петина (встает сказать, сам Петин вводит историю, которая рассказывает о увлечении странным Петитом). Стамов не вступил за него, Петин реабилитировал, и Стамов тут не при чем. Аня ушла от Емичнова вполне независимо от своего отношения к Стамову и т. д.

Все это означает грубую диспропорцию в композиции повести. Снятию Емичнова и назначению Шенина; постепенно нарастающий разрыв Ани с Емичновым — таковы, реально, две главные сюжетные линии. Но Шенин занимает третьестепенное место по сравнению с местом Стамова в повести. Фактически же Шени и его история неизмеримо интереснее Стамова, у которого вообще не оказывается своей «истории». По существу, главный герой — именно Шени. Получается, что Стамов мешает Шенину.

Аня тоже не ощущается нами, как индивидуальный человек. Она как некое голубое пятно. Если для читательской любви к героине чековской «Невесты» было вполне достаточно ухода этой женщины от пошляка, то для читательской любви к советской героине одно это мало, а главное — «кухот» это было же, что в старину — «кухот» в казачестве, к свободе и борьбе, изменению всего отношения к жизни, перерождению.

В «Танкере» все будничные мелочи работы, жизни обречены своим познанием, отблеском в главных героях на всю повесть. В «Инженере» нет таких героев. В нем нет и той соотечественности личности с драматургической остротой, которую создает обязательность «Танкера».

Для Стамова и Ани автор не создал таких обстоятельств, в которых они могли бы проявиться в большей или меньшей полноте ясно очерченных характеров.

Кстати сказать, слабость индивидуализации Стамова и Ани сказывается и в том, что читатель не знает, а кто из них, собственно, следует отности называние «Инженер»?

В недавно вышедшем альманахе куйбышевских писателей («Волжская новь» № 10) опубликованы две повести, занимающие добрую половину книги. Они заслуживают особого разбора, но по объему своему, а главным образом потому, что отражают с предельной ясностью некоторые вредные тенденции, еще не до конца изжитые в нашей литературе.

Центральной фигурой повести Н. Борисова «Бережанские встречи», открывающей альманах, является кулак Абрамцев. Отбыл срок наказания за покушение на убийство упомощенного по хлебозаготовкам, он возвращается в свое село. Работает сначала в лесничестве, а затем его приглашают руководить строительством плотины для лесозавода. (Во всем районе не нашлось никого другого!). Автор со странным умилением описывает перерождение Абрамцева, его устами рассказывает о жизни в ссылке, где каждый порочен — преступник, а все вместе — «замечательный» коллектив. Абрамцев пытается вернуть на путь преступлений его бывший единомышленник Кондратий Мамыкин, по «благородию» кулак не поддается и гибнет от руки Герасима — друга Мамыкина. Абрамцев предстает в эресе великодушным, о нем заботятся, оберегают: как бы, упали бог, не обидели...

История перерождения и гибели Абрамцева проходит на фоне страшной любви Катюшина и Ольги, людей с гнилыми сердцами, действующих под влиянием персонифицированных «завов души». Катюшин, по собственному заявлению, — «инженер, член партии с 1931 года», а Ольга — «ступенька, приехавшая на практику в Бережанское лесничество». Но в повести они ничем, кроме пошлых разговоров, не заняты. Отвечая на вопрос Катюшина о муже, Ольга говорит: «Он только муж, не больше. Это странно, не правда ли? Но я говорю серьезно. За двадцать два года я не сумела завести ни друзей, ни подру... о друзей с мужчинами и говорить нечего. Мешает моя красивая внешность (?)». От своего мужа, который по ее словам «неискренен и не достоин любви», Ольга не уходит только потому, что беременна. По этой же причине она не может уйти к Катюшину, любовь которого кажется ей искренней: «Я не верю в чувства отцовской любви к чужим детям... и если люди берутся воспитывать чужих детей, то делают это или по необходимости или просто пеняются тем, что это в духе времени».

Этого достаточно для того, чтобы составить представление о женщине, которая, по замыслу автора, является положитель-

«Емичновцы» затравили Петина (встает сказать, сам Петин вводит историю, которая рассказывает о увлечении странным Петитом). Стамов не вступил за него, Петин реабилитировал, и Стамов тут не при чем. Аня ушла от Емичнова вполне независимо от своего отношения к Стамову и т. д.

Все это означает грубую диспропорцию в композиции повести. Снятию Емичнова и назначению Шенина; постепенно нарастающий разрыв Ани с Емичновым — таковы, реально, две главные сюжетные линии. Но Шенин занимает третьестепенное место по сравнению с местом Стамова в повести. Фактически же Шени и его история неизмеримо интереснее Стамова, у которого вообще не оказывается своей «истории». По существу, главный герой — именно Шени. Получается, что Стамов мешает Шенину.

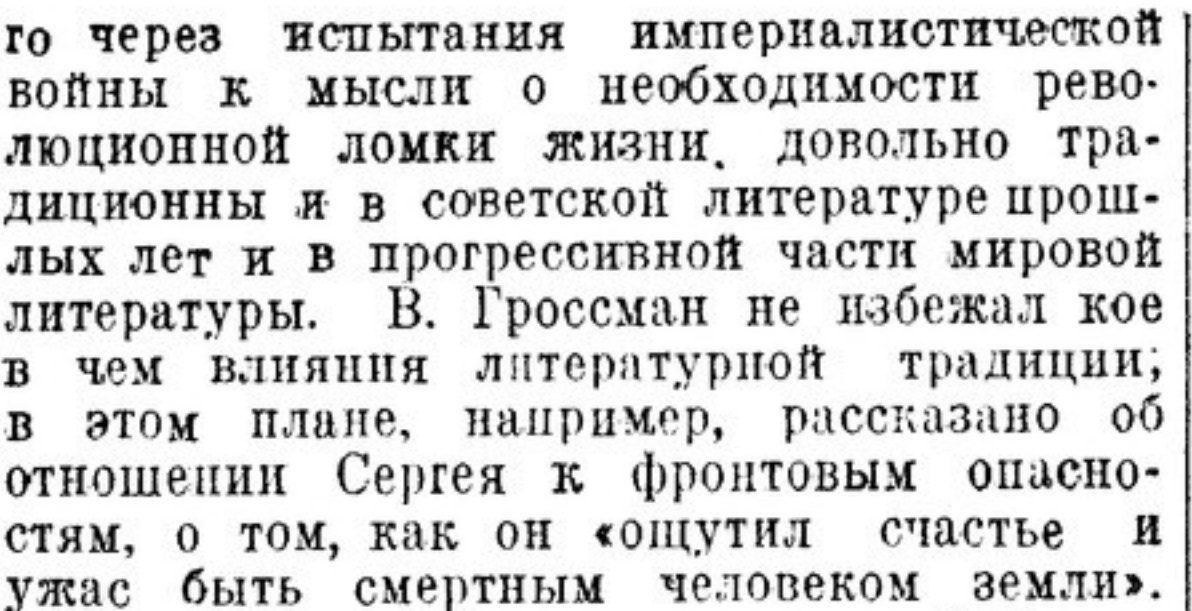
Аня тоже не ощущается нами, как индивидуальный человек. Она как некое голубое пятно. Если для читательской любви к героине чековской «Невесты» было вполне достаточно ухода этой женщины от пошляка, то для читательской любви к советской героине одно это мало, а главное — «кухот» это было же, что в старину — «кухот» в казачестве, к свободе и борьбе, изменению всего отношения к жизни, перерождению.

В «Танкере» все будничные мелочи работы, жизни обречены своим познанием, отблеском в главных героях на всю повесть. В «Инженере» нет таких героев. В нем нет и той соотечественности личности с драматургической остротой, которую создает обязательность «Танкера».

Для Стамова и Ани автор не создал таких обстоятельств, в которых они могли бы проявиться в большей или меньшей полноте ясно очерченных характеров.

Кстати сказать, слабость индивидуализации Стамова и Ани сказывается и в том, что читатель не знает, а кто из них, собственно, следует отности называние «Инженер»?

Здесь в 40-х годах прошлого столетия у известного публициста М. П. Юдина жил Н. В. Гоголь. Здесь М. Ю. Лермонтов читал Гоголю свою поэму «Мцыри».

Зарисовка с натуры художника А. Рудович.

ным персонажем и олицетворяет в повести советскую молодежь.

Знакомство читателя с Катюшиным происходит в тяжелой для последнего переод от него ушла жена, недавно умер его двухлетний сын. Но, лишенный подлинных человеческих чувств, Катюшин пронасе только: «Глупо и неумно. Ну, что ж», после чего «вышел на улицу и бесцельно зашагал по тротуару». Встреча его с бывшим товарищем по институту, ныне секретарем райкома партии Подлесновым, как и все встречи, происходящие в повести, заканчивается пылкой, Подлеснов, узнав о смерти мальчика, так выразил свое сочувствие: «Игорь! Жаль. Большой был мальш. Ну, да не тужи, еще наживешь» (?). Конечно, Катюшин не почувствовал откровенного цинизма этих слов и «предложил: давай выпьем, Роман». Разговор о жене заканчивается тем же: «А впрочем — все к черту! Выпейте».

Приняв предложение Подлеснова, Катюшин переживает в Березане «забавочный строительством» лесозавода. Но автор, увеличив отношения Катюшина и Ольги, только однажды упоминает о том, что «Катюшин ходил по строительству, заглядывал то к плотникам, то к землекопам, то к камешникам... Собственно говоря, много «руководства» и нельзя ожидать от этого человека, лишенного общественных интересов. Мысли его заняты другим, по-толку упомянуть о событиях. Именно упомянуть, высказав несколько стандартных, лабильных эскаму фраза: «За вилы да топоры, мужики, надо браться! Как бы не было, чем госпол, неужели мы их не ослеем?» «Временное правительство кормит нас баснями», — говорит оратор на митинге в 1917 году. — Фабрики и заводы в руках предпринимателей, земля у помещиков и кулаков. Солдаты на фронте, во чаша народного терпения переполнена. Брестские самовольно захватывают помещичьи земли, уводят из поместий скот»...

Есть, конечно, в повести и юродливый, описаны и рождественские гадания девушек, — словом, ничто не упущено из давно известного каталога литературных штампов.

Какая же задуха ставил перед собой автор? Конечно, он хотел показать, как при капитализме человек, богатая, становится Ляком и как революция уничтожает его. Но для этого он не нашел ни оригинальной формы, ни изобразительных собственных средств. Проявив добросовестность в изучении русской литературы — классической и современной — и трудолюбие в переписывании прочитанного на страницы своей повести, В. Банькин все внимание уделил изображению кулака, брата советской власти, забыв о новой жизни. Она рисуется в повести отрывками фразами, белыми зарисовками, не питающими ни ум, ни сердце читателя. Слов нет, писатель впрям изображает людские пороки, но перловой художник, бичуя пороки, теншевший своего произведения неизбежно раскрывает светлые стороны жизни, зовет к лучшему и борется за него, ибо оно побеждает.

Что руководило редколлегией и издателями, когда они предоставляли страницы альманаха насквозь фальшивой повести Н. Борисова? Что явилось причиной того, что способный молодой автор В. Банькин, писавший неплохие рассказы («Рассказы о Чапаеве», «Ляпка Стрижова»), целиком ушел в литературную? Чем объяснить отсутствие в альманахе правдивых произведений, рассказывающих о советских людях, отсутствие очерков о городе Куйбышеве и Куйбышевской области?

Куйбышевским писателям, а особенно редколлегии альманаха и издательству следует серьезно задуматься над этими вопросами.

Душевную пустоту и откровенный цинизм своих героев автор пытается обосновать, приводя выдержки из дневника Катюшина, посвященные вопросам любви. Катюшин, выдаваемый за нашего современника, не наделен ни одной чертой советского человека, и все же при явном одобрении автора пытается говорить о любви в коммунистическом обществе. Совершенно экскурсе в далекое прошлое и установив, что только у наших «волосатых предков... любовь была искренней, горячая, свободной от условностей», Катюшин заглядывает в будущее, где «все приметный облик», и утверждает, что «только любовь навсегда останется трагичной». Придя к столь неутешительному выводу, он успокаивает себя обычным своим «ну, что ж!» и с оригинальным глубокосмыслом заключает: «Это будет вполне человек».

Так изображены в повести советские люди. Только одна фигура не входит в этот паноптикум обывателей, няичемных пустобрехов и пошляков, это бывший кулак Абрамцев!

Душевную пустоту и откровенный цинизм своих героев автор пытается обосновать, приводя выдержки из дневника Катюшина, посвященные вопросам любви. Катюшин, выдаваемый за нашего современника, не наделен ни одной чертой советского человека, и все же при явном одобрении автора пытается говорить о любви в коммунистическом обществе. Совершенно экскурсе в далекое прошлое и установив, что только у наших «волосатых предков... любовь была искренней, горячая, свободной от условностей», Катюшин заглядывает в будущее, где «все приметный облик», и утверждает, что «только любовь навсегда останется трагичной». Придя к столь неутешительному выводу, он успокаивает себя обычным своим «ну, что ж!» и с оригинальным глубокосмыслом заключает: «Это будет вполне человек».

Так изображены в повести советские люди. Только одна фигура не входит в этот паноптикум обывателей, няичемных пустобрехов и пошляков, это бывший кулак Абрамцев!

Душевную пустоту и откровенный цинизм своих героев автор пытается обосновать, приводя выдержки из дневника Катюшина, посвященные вопросам любви. Катюшин, выдаваемый за нашего современника, не наделен ни одной чертой советского человека, и все же при явном одобрении автора пытается говорить о любви в коммунистическом обществе. Совершенно экскурсе в далекое прошлое и установив, что только у наших «волосатых предков... любовь была искренней, горячая, свободной от условностей», Катюшин заглядывает в будущее, где «все приметный облик», и утверждает, что «только любовь навсегда останется трагичной». Придя к столь неутешительному выводу, он успокаивает себя обычным своим «ну, что ж!» и с оригинальным глубокосмыслом заключает: «Это будет вполне человек».

Отношение к войне тех социальных слоев, которые привлекают основное внимание автора в этой книге, показано правильно, в соответствии с исторической правдой. Следует лишь заметить, что в спор с Бахмутским о мещинском Люболюком недостаточно аргументировано, что лозунг поражения «своего» правительства, выдвинутый Лениным и большевиками, не отличим от лозунга превращения империалистической войны в гражданскую.

Надо вообще заметить, что в четвертой части романа в образе Бахмутского появились черты некоторой схематичности. Это особенно относится к местам, где пересказываются мысли Бахмутского о его жизненном деле; здесь есть и путанные, неразоботанные характеристики. Когда от такого пересказа писатель переходит к показу Бахмутского в действии, он снова создает образ волеуверный и убедительный — таков Бахмутский во время встречи с Эвоном, в разговоре с женой рабоче-го Лопушенико. Значение образа Бахмутского в романе таково, что нельзя допустить ни малейшей ошибки в его трактовке. Поэтому сам тревожит, например, то, что еще в третьей части романа Бахмутский говорит: «Но я знаю только одну борьбу — это борьбу рабочего класса. А счастливы ли вы? Да на это всем плевать и прежде всего мне самому». Здесь постановка вопроса о личном счастье большинства борца поверхностно-схематична. Неправильность такой мысли хорошо разяснил еще в 1919 г. М. И. Калинин. Говоря о старых коммунистах, десятилетия сидевших в тюрьмах, тов. Калинин спрашивает: «неужели вы думаете, что если бы они не испытывали, что их жизнь осмыслена и оттого легка для них, они шли бы в эти тюрьмы? Нет, они только потому и шли туда, что они в этой борьбе находили счастье, которое в десять раз богаче обывательского наслаждения!»

Еще более серьезный упрек надо сделать в связи с образом Кагайлаковского

М. И. Калинин. «Речь на митинге рабочих пороховых заводов Шинссельбурга. 1919 г.» «За эти годы». Книга 3-я. 1929 г.

Л. СУБОККИН ПАНОРАМА ЭПОХИ

Читатель помнит конец третьей части романа В. Гроссмана «Стенан Колычугин». Ночь, торжественный двор. При свете факелов конвоиры солдаты выстраивают партию арестантов. В темноте Стенан Колычугин, дежуривший в этот вечер на паре, приговоренный к каторжным работам за участие в борьбе большевистского подполья.

«Протяжно и сурово прозвучали слова команды, конная и пешая стража сгрудилась вокруг арестантов; блеснули при свете факелов обожженные сабли и дула винтовок, но еще страшней в холодной железе глядели настроенные лица конвоилов. Арестанты медленно пошли из торжественного двора».

Ночь, кандалный звон, дымные факелы, пляшущие огромные тени каторжан и конных стражников — царская Россия, тысяча девятьсот четырнадцатый год.

А на другой день из тюрьмы уходит студент Сергей Кравченко, сын вращавшегося в высшем обществе, участника революционного движения, отбывавший десять месяцев тюремного заключения. «Он пошел к дому... Прямая, освещенная солнцем дорога лежала перед ним... Он возвращался к миру любви и разума, и ему казалось, что не было больше препятствий на его пути».

Четвертая часть романа! показывает крупнее историю Сергея Кравченко, идущего «мира любви и разума». Уже звучат звуки первой империалистической войны, и военная машина, вместе с миллионами других людей, поднимает и перекрашивает Сергею с его мечтой о служении науке, о великих открытиях, с его любовью к Гессе Соломоновской.

Царская казавра, «седейшая наука», тупая и узническая, фронт, окопы, кровь и грязь, ничем неоновальная гибель множества людей — крестьян и рабочих, солдатский госпиталь и медленное, трудное созрание пока еще неясной, но деотважной мысли, что жизнь чудовищно бессмысленна и преступно несправедлива, что дальше терпеть нельзя, что надо изменить ее.

В последних главах четвертой части романа мы встречаем Стенана Колычугина на каторге, в страшных условиях каторж-

ных работ на «Колесу» — Амурской колесной дороге. Здесь Колычугин проходит курс «народного университета» царской России, получает базовую закладку, приобретает мещанские качества протестующего революционера — ненависть к старому эксплуататору и гнету, мужество, несгибаемую волю к борьбе и веру в грядущую победу. Он покидает каторжную тюрьму поздней осенью 1916 г., полный страстной снова занять свое место в революционном строю, «встретая в жестокой жизненной свалке». Он едет по сибирской равнине и повсюду — в поезде, на станциях — видит признаки растущего недовольства масс бессмысленной войной, всеобщим разорением, чувствует тяжелое кипение народного гнева.

В описываемых четырех частях романа писатель, рассказав о детстве и юности обоих своих центральных героев, повел их к решающему рубежу мировой истории, к кануону Великой социалистической революции. Два совсем разных человека, с разной общественной историей, и Сергей Кравченко — начали сознательную жизнь в эпоху величайших социальных катастроф, в момент мучительного и трудного, величественного и благородного скачка истории. Неторопливо, рельефно отделивая детали, В. Гроссман создает обобщенный образ молодого человека двадцатого столетия, подлинного героя века, одного из тех, чьиими усилиями вспахана историческая целина. Может быть, Стенан несколько излишне «прихурен», может быть, напрасно писатель не рассказав о радостях, которые приносят молодости даже при самой тяжелой жизни, но глубокая серьезность молодого большевика, его внутренняя цельность и моральная чистота доведены до читателя с большой художественной силой.

Широко воспроизводя историческую обстановку, рассказывая о множестве фактов и процессов политической и культурной жизни и быта, показывая различные социальные слои — рабочих и капиталистических слоев — солдат и генералов, интеллигентов, офицеров, попов и студентов, писатель раскрывает содержание эпохи и историческую обусловленность характеров своих героев, сформировавшихся в грозное время бури и натиска.

Роман еще не закончен. Но уже сейчас широкие круги читателей хорошо знают эту книгу, любят Стенана и его мать, горноовое Мятю, большевиков-подпольщиков Бахмутского и Эвонова, наслаждающихся познанием труда и борьбы, вешей с этих страниц.

Главная ценность романа в том, что в нем без сусальности и лакировки, без

предвзятой мертвенной схемы, а во всей полноте во всем разнообразии жизненных деталей созданы образы положительных героев эпохи. В. Гроссман не придушивает эффектных поворотов сюжета, не наделает своих героев чертами психологической или нравственной исключительности, — это обыкновенные, простые люди, живущие одной жизнью с окружающими, и потому в романе показан самый ход жизни, раскрыты центральные конфликты века, указано направление исторического развития. Без ложного пафоса и «романтической» патетики, без авторской риторики писатель подводит нас к пониманию красоты и силы характеров своих положительных героев — большевиков. Они окружены в романе атмосферой высокой моральной чистоты и нравственной силы, — выражение всевозрастающей эпохи, что создала века освобождения.

Сказавшее особенно относится к образу Стенана Колычугина, как бы олицетворяющего поколение протетарских революционеров, выросшее и сформировавшееся в интервале между революцией 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революцией, героических борцов за рабочее дело в период империалистической войны, самоотверженных участников Октябрьского штурма.

Он, несомненно, герой в самом полном и глубоком значении слова, этот неяркий рабочий парень; герой и тогда, когда десятилетним мальчиком помогает рабочим-дружинникам в 1905 г., и когда семнадцатилетним домоседом, рискуя жизнью, спасает отравившихся газом товарищей, герой и во время жандармских допросов и изгнаний, и в каторжном аду. Но это не «эффектный», «спорный» герой, это человек, чья внутренняя цельность и моральная чистота доведены до читателя с большой художественной силой.

Четвертая часть романа отличается от предыдущих тем, что основное внимание в ней уделено развитию образа Сергея Кравченко. Это необходимо и существовало звано в композиционной структуре романа: здесь рассказано о другом молодом человеке двадцатого века, иным путями и больше чувствами, нежели разумом, влекущегося к революции. Тема и образ молодого интеллигента, приходяще-

го через испытания империалистической войны к мысли о необходимости революционной ломки жизни, довольно традиционны и в советской литературе прошлых лет и в прогрессивной части мировой литературы. В. Гроссман не избегает кое в чем влияния литературной традиции; в этом плане, например, рассказано об отношении Сергея к фронтovým опасностям, о том, как он ошунтил стастье и ужас быть смертным человеком земли. Новизна этого образа в трактовке В. Гроссмана состоит в том, что писатель показывает юношу, очень оторванного от жизненной практики, симпатичного, но, в сущности, неглубокого и бездумного, всечески уклоняющегося от серьезных жизненных проблем. Он стремится к личным успехам, к славе, к разному, понимая разницу между «своей» и «чужой» жизнью, но не умеет отличать научные знания, изложенных в университетских учебниках, а счастье и любовь, как возможность быть около любимой, возможность мирной жизни и наслаждения красотой природы.

Суровый жизненный опыт, приобретенный в окопах и военных госпиталях, общение с рабочими и крестьянами на фронте, думя о преступной бессмысленности империалистической войны — все это приводит его, ранее беспомощного и пассивного, к какому-то, еще не осознанному протесту. Но отсюда начинается новый Сергей Кравченко. Он уже догадывается о необходимости борьбы с империалистической войной, разрушающей счастье, любовь, разум. «Сейчас, испытав прикосновение этой страшной, всегда побеждающей этой колючей силы, он не почувствовал себя жалким плетником. Он понял, что во всем этом, и угрожающая кричущая темной ускоренной силе, отнимавшей от него этот миг земной красоты: врьшь, врьшь, врьшь!»

Писатель проводит своего героя через различные жизненные коллизии, сталкивает его с людьми из разных слоев общества, раскрывая, таким образом, черты его характера. В. Гроссман умеет глубоко показывать психологию своих героев через их жизненные дела и мысли по конкретным жизненным поводам, почти не прибегая к прямому авторскому вмешательству. Поэтому даже белое очерченные персонажи романа приобретают жизненную выразительность.

В «Солдатах революции» писатель дает широкую картину жизни провинциальной интеллигентской среды в годы войны, яркую, хотя и фрагментарную характеристику различных групп офицеров. Несколько драматических эпизодов казарменного, фронтовой и госпитальной жизни вводит

в последних главах четвертой части. Мы говорим об

Жертвенная любовь

Георгий Бутковский подражает А. Чехову. Подражания бывают разные. И Чехову подражат по-разному. Есть художественные подражания; у великого писателя просто крадут все. Из его творчества делают «вытяжки» и втирают себе под кожу для укрепления хилых литературных сил.

Г. Бутковский залез от такого подражания. Он влюблен в Чехова. Эта влюбленность удивительна по чистоте. Писатель серьезный, культурный, имеющий свою тему, Бутковский почти отказался от своей индивидуальности, потому что влюблен в чеховскую.

В книге его «Родина радугу» — одно только название романа. (От него отлетает чем-то символическим). Остальное — в плане чеховских методов письма. Чеховская лексика, чеховский стиль, чеховский синтаксис.

Любовь к Чехову, любовь необычайная и нежная, оказалась жертвенной для Бутковского.

Между ним и объектом его страстной творческой привязанности стала эпоха. Великая эпоха, ничем не похожая на чеховскую. Ослепленный, как все влюбленные, Бутковский не уцелел в величайших изменениях, происшедших во всех порях нашей жизни. Книга Г. Бутковского поучительна, как свидетельство невозможности слиться элементов двух эпох на одном художественном полотно.

В книге «Родина радугу» речь идет о советской исследовательской экспедиции, работающей в горах Кавказа. Работе экспедиции пытаются вредить остатки разбитой диверсионской организации. Но мужество и бдительность советских людей побеждают. Диверсанты уничтожены.

Что внес Г. Бутковский «от себя» в разработку и разрешение этой темы?

Несомненное дарование, искренность, любовь к советской стране. Очень удалась ему пейзажи. Есть страшные, проникнутые вдохновенной любовью к природе.

Все это несомненно, но несомненно также и то, что в книге одна картина написана на другой. Смешались краски, перспективы, культуры.

Облик большинства героев Бутковского и их поступки напоминают чеховских людей. Партизан Барба — типичный «чеховский» мужиченко, жалкий, поумешавший, чудачковатый, грустный.

У него страстно, непомерно большое «ружье». Пятинадцать лет он живет в горах, в лесах, но все деревья упорно называет березами. О жизни он думает, как чеховский персонаж о жене, как чеховский плотник, отвозивший жену в больницу и трагически вспоминая жизнь с ней. Начальник исследовательской экспедиции к людям относится, как чеховский обыватель. То он неизвестно почему призывает соседку-скрипачку, то вдруг поют

направляется к ней в гости. (От случайного романа его ограждает только тщательность автора). Жена неизвестно почему покидает его и пишет (в условиях лесной лагерной жизни) интеллигентски беспомощную записку. Объясниться с ней муж не может из-за «волнения». Жену начальника Алю безнадёжно любит его друг и подчиненный по работе Капитанов. Объясниться с ней он тоже не может и тоже из-за «волнения».

Книга Бутковского переполнена до краев словами «неизвестно почему», «почему-то», «видимо», «вероятно», «качалось», «каждому было», «нельзя было понять» и т. д. Герои Бутковского поминутно выражают, выдыхают, философствуют, бесконечно сомневаются в себе. Их язык — целиком язык чеховских героев. Барба говорит сбивчиво: «того... «такое полное право». Интеллигенты спорят о культуре буквально, как доктор Благоев. Так и жмется, что они обманутся на земство... Советский изыскатель Савинский говорит о сооружениях, которые будут построены через 2—3 года, таким тоном, каким чеховские герои говорят о памятнике «небе в алмазах».

В третьей части романа Бутковский пытается вывести своих героев из безысходного состояния. Но, увы, поздно. Кто поверит, что слонята Капитанов, который только и делал, что топтался, вальсая, вокруг Али и поправлял дисциплину в отряде, попал в плен к врагам и посаженный ими в погреб, вдруг, как леопард, выскочит оттуда — один, безоружный, против вооруженного гранатой бандита и победит его. Кстати сказать, бандит этот, вопреки своей профессии, язык скляпо-великий.

«— Осторожнее, вы сломаете мне руку», — говорит он Капитанову, совсем как купчинский штабс-капитан Рыбников — Ленька.

Роман Бутковского не станет популярным у широкого советского читателя. Советский читатель любит читать книги о смелых, новых и цельных советских людях, умею, умно и героически строящих новую жизнь на прекрасной своей родине. Это не значит, что они никогда не ошибаются, что все у них гладко, ясно и безоблачно. Но грустности их нет. И песни у них иные.

Пусть Бутковский любит Чехова так же страстно и страстно, как мы все любим его. Но плагиат, чтобы любовь эта к чеховскому писателю была не столь жертвенной, чтобы автор понял, чему именно надо учиться у гениального русского писателя. Бутковский не исключение. Многие писатели «переболели» Чеховым, слепо ему подражая, а не усаев его методу показа жизни. Хочется верить, что и автор «Родины радугу» освободится от этого сладостного плена.

НОВЫЕ КНИГИ

«ПОЭТЫ АБХАЗИИ». В Гослитиздате в ближайших дни выйдут в свет сборник переводов произведений поэтов Абхазии. Сборник отражает недавнее зарождение и последующее быстрое развитие абхазской поэзии. Отдельные разделы сборника посвящены поэтам Дмитрию Гулия, И. Когона, В. Шинкуба, Л. Квициния, К. Агуа, А. Джозуа, С. Сангула.

«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ И КРИТИКИ». Под таким названием Учпедгиз готовит сборник материалов об истории русской журналистики и критики в XVIII и первой половине XIX века. Ряд глав «Истории» посвящен крупнейшим русским журналистам и критическим деятелям писателям этого периода — Третьяковскому, Сумарокову, Ломоносову, Карамзину, Пушкину, Белинскому и др. Объем сборника — 30 печатных листов.

ТРИ КНИГИ СТИХОВ. Издательство «Советский писатель» выпустило три книги стихов современных поэтов: Д. Сеняна «Ката-Катерина», сборник В. Стрельченко «Моя фотография» и книгу новых стихов Н. Брауна.

«МОИ ТОВАРИЩИ». В этом же издательстве под таким названием вышел сборник произведений Аркадия Гайдаря. В сборнике — повести «Школа», «Война в тайге», «Судья барабанишка», рассказы «Голубая шапка» и «Телеграмма».

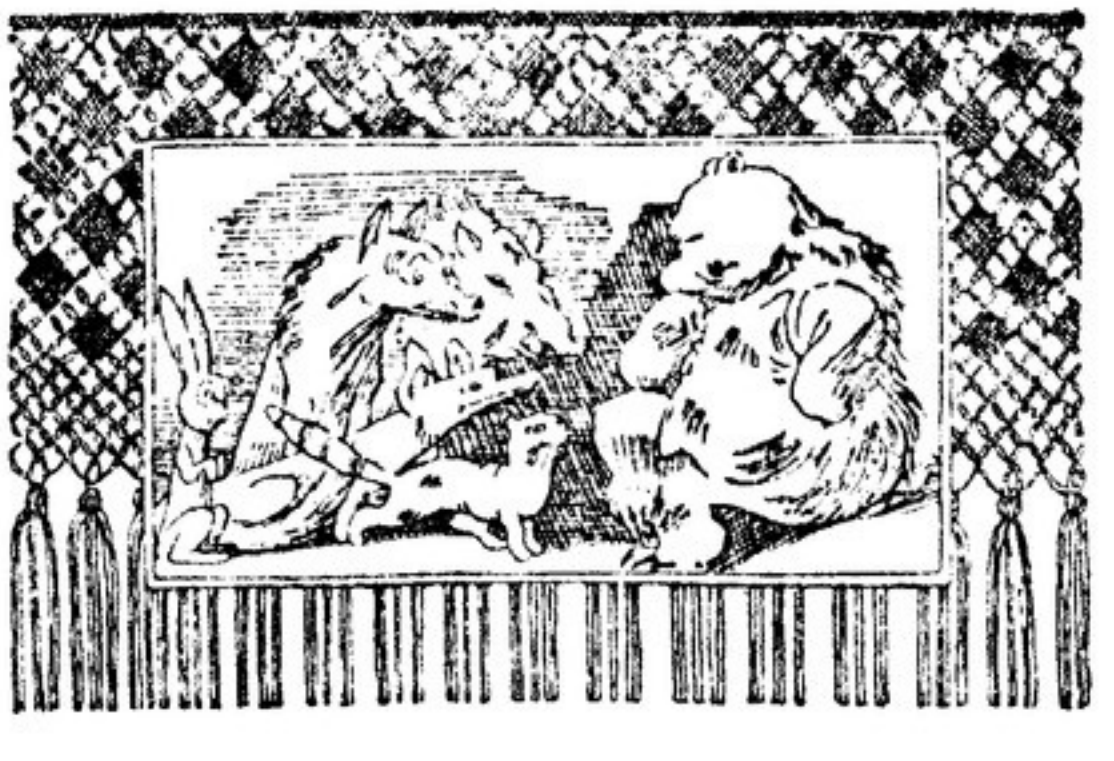
«РОЖДЕНИЕ СТАЛИ». М. Ровинская написала большую повесть о гениальном изобретателе Георгии Бессмерте, открывшем свыше 80 лет назад новый способ получения стали. Книга выйдет в ближайшем времени в Детиздате.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭСТРАДА» — так называется вышедший на днях в издательстве «Искусство» большой сборник советских произведений, исполняющихся сценическими мастерами художественного слова. Сборник открывается вступительной статьей Н. Верховского «Советская литература в звучащем слове». Затем следуют произведения 39 писателей, в том числе М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Катаева, П. Павленко, Дамбула, С. Стальского и других поэтов и прозаиков.

«ИСХАНДЕР-НАМ». Издательством Азербайджанского филиала Академии наук выпускается первая часть поэмы Ислама Исхандер-Нама в переводе на русский язык члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Б. Э. Бертельса. Это первый полный русский перевод поэмы. В книге 394 страницы.

ОДНОТОННИК СТИХОВ Г. САЛЯМ. Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы им. Мажита Гафури подготовил к печати однотонык избранных стихов и лозг покойного поэта Г. Саяма.

«КЛАССИКИ РУССКОЙ ДРАМЫ». Так называется сборник научно-популярных очерков под редакцией В. Десницкого, вышедший недавно в издательстве «Искусство». В сборнике вошли статьи о Фонякове, Грибоедове, Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, Островском, А. К. Толстом, Сухомо-Кобякине, Салтыкове-Щадрине, Л. Толстом, Чехове и Горьком. Сборник открывается статьей «Драматическое искусство в России XVIII века».

А. ГУРШТЕЙН

Хорошее начало

Недавно вышла небольшая книга Виктора Авдеева «У нас во дворе». Книга содержит одну повесть и пять рассказов. Место действия всех этих произведений — донская станица, время — годы гражданской войны.

О гражданской войне на Дону рассказывал М. Шолохов, и после произведений Шолохова молодому писателю трудно сказать в этой области что-нибудь действительно новое. Тем не менее книга молодого писателя В. Авдеева привлекает к себе внимание читателя. Для начала — это хорошая книга.

Автор стремится показать, как большевистская идея, как большевистское дело пробивала себе дорогу в казачьем селе, побеждая сопротивление классово чуждых элементов, преодолевая накопившиеся в течение столетий предрассудки. Рождение нового, революционного сознания — основная тема книги.

Виктор Авдеев, конечно, писатель еще не окрепший. Он находится пока на перекрестке разных влияний. Такой рассказ Авдеева, как «Интернационал», построен не совсем обычно, на острейших положениях. Главный герой рассказа, солдат Юсупов, который самоучкой научился понимать ноты и с героическим упорством поставил свою музыку на службу революции, напоминает чудачковатых персонажей Всеволода Иванова, знающих «одной лишь душой музыку». Рассказ «Заказ» написан в романтических тонах, в которых слышатся отголоски многих стилей, начиная с поэзии Баратинского и кончая прозой Юрия Иловаго. Но больше всего Авдееву по душе ровное, спокойное и меланхолическое, в котором он следует главным образом шолоховской традиции. И так, в области стиля очень мало сказывается своеобразие Виктора Авдеева.

Иной раз начинает казаться, что эта столь важная, столь существенная сторона писательского дела как будто и не заботит молодого писателя. Здесь не чувствуется ни самостоятельности, ни поисков своего.

Своеобразие В. Авдеева как писателя начинает ощущаться преимущественно тогда, когда ему приходится иметь дело с детскими персонажами. Автор рассказывает, как дети впервые сталкиваются с большевиками, о которых темная молва плела чудовищные небылицы, и привязываются к ним всей душой, потому что действительность опровергает все эти небылицы. Темная молва пугала большевиков «капитулистами», а на поверку вышло, что это — люди человечески близкие, родные, с которыми так хорошо дружить, с которыми хочется быть заполо. Вот это чувство близости детей с большевистской правдой хорошо передано у Авдеева.

Видно, что автор хорошо знает свой материал, что он знает жизнь станицы, что он видел тех людей, о которых рассказывает. Правдивой представляется (несколько) Виктор Авдеев. «У нас во дворе». «Советский писатель». Москва, 1940 г.

Издательство «Художественная литература» подготовило и печатает иллюстрированное издание избранных литовских сказок, обработанных П. Циурна. Предисловие написано проф. Н. Андреевым.

На русском языке эти сказки выходят впервые отдельным изданием. Публикации их делались в разное время в русских журналах и газетах. Первая публикация была помещена в № 100 «Литературной газеты» за 1940 год.

НА СНИМКЕ: три иллюстрации художника М. Черемных к сказкам.

Библиография

«МОРЕ»

В этом «Море» бездна интересных вещей. Книгу берешь, может быть, без всякого предвзятого интереса к теме — кто не называл море «пустым»? И вот перед нами открывается новый, бесконечно богатый и многообразный мир, так мало нам известный. Природа — скрытая для неведя и мертвая для равнодушных — обнаруживает здесь свою могучую и чудесную силу.

Все речные утри — из Невы, например, — плывут для перестая в Саргассово море, к Центральной Америке; самка кита рождает детеныша в воздухе, на весу; в одном литре атлантической воды живет до 360 тысяч одноклеточных водорослей; умершие организмы планктона падают на морское дно непрерывным дождем... Читайте об этом — и на память приходят старые стихи:

Я в пригоршни ловлю закипевшую пену волны — И сквозь пальцы течет не вода, а сафиры — несметные Искры синего пламени, жизни!

Сборник «Море» — полезный опыт непосредственного общения людей науки с читателями. Известные ученые — В. Г. Борогов, Л. А. Зенкина, А. Н. Формозов, В. В. Шулейкин и другие — в популярных статьях рассказывают о физических законах моря, о его фауне, о промыслах в морях СССР.

Книга несомненно очень интересна. Но она интересна детям не более, чем взрослому, а это уже плохо для детской книги. Какие специальные требования детского читателя учены? Прилагать язык, смягчен «трудности» и придуманы названия подложков, вроде «Заболтавший».

«Море». Сборник. Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1940 г.

«ИЗ ДАВНИХ ЛЕТ»

Гослитиздат выпустил в свет сборник избранных прозы старшего русского писателя, пионера крестьянской драматургии, И. И. Лебедева.

Сборник не случайно носит название «Из давних лет». Страницы его, рассказывающие о дореволюционном быте деревни и мелких ремесленников городских окраин, воскрешают страшный мир прошлого, отдаленного от нас всего несколькими десятилетиями.

Рассказы, сценки, иногда моментальные зарисовки И. И. Лебедева — это правдивые «человеческие документы» той поры. Писатель рисует беспросветную нужду деревенской бедноты, дикое нравы ремесленных мастеров, где из поколения в поколение соблюдалось правило: «без боя никто ремеслу не обучился».

И. И. Лебедев. «Из давних лет». Государственное издательство «Художественная литература», Москва, 1940 г.

«ЛЕРМОНТОВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ»

Серьезная работа над изучением Лермонтова началась только в самые последние годы. Многие вопросы жизни и творчества поэта продолжают оставаться неясными для исследователей. В совершенно заброшенном состоянии находились и очень важный, хотя и специальный вопрос о портретах Лермонтова, об иллюстрациях к его произведениям.

Неразработанность вопроса, а нередко и пренебрежительное отношение к нему приводило к путанице и огромному количеству ошибок. Можно без преувеличения сказать, что нет ни одного издания, посвященного Лермонтову, в котором бы объяснены, сопровождающие портреты поэта, не содержали бы ошибок. Более того, есть книги (например, книга С. Иванова о Лермонтове, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей»), в которых все подписи под всеми портретами Лермонтова представляются неадекватными ошибкам.

Значение книги Н. П. Пахомова заключается прежде всего в том, что в ней дана точная характеристика и оценка всех прижизненных изображений Лермонтова; собраны сведения о художниках-авторах лермонтовских портретов; установлены даты их написания; прослежена история портретов (копии, переписки, воспроизведения).

Анализируя отзывы современников о наружности Лермонтова, Н. П. Пахомов поднимает вопрос о том, какие же из всех известных портретов могут считаться наиболее достоверными, дающими наиболее полное представление о живом облике поэта. По мнению автора, наибольшим сходством отличаются два пор-

трета: масляный, работы П. Е. Заболотского (1837 г.), изображающий Лермонтова в ярко-красном гусарском ментике, расшитом золотыми шкурами, и карандашный рисунок Д. П. Палена, сделанный на Кавказе в 1840 г. (Лермонтов изображен в профиль, в военной фуражке).

Второй, основной, раздел книги посвящен иллюстрациям к Лермонтову. Тут воспроизведены лучшие живописные произведения на лермонтовские темы, при этом многие иллюстрации, собранные Н. П. Пахомовым, публикуются в его книге впервые. Таковы рисунки М. А. Зичи к «Демону», его же превосходные наброски к «Княжине Меряи», иллюстрации И. Е. Репина к «Трем пальцам» и к повести «Бэла», картина К. Е. Маковского «Демон и Тамара». В этом разделе можно отметить некоторые прощания. Отсутствует, например, рисунок Г. Гагарина к стихотворению «Сон». Осталась совсем незамеченной интереснейшая тема: рисунки самого Лермонтова, как иллюстрации к его поэтическим произведениям.

В последних главах книги рассмотрен вопрос об отражении творчества Лермонтова в драматическом и оперном театре и в кино.

К работе Н. П. Пахомова, насыщенной богатыми иллюстративными материалами, будут обращаться не только издатели и редакторы произведений Лермонтова, с интересом ее будут читать и смотреть и более широкие круги читателей.

Эти читатели, однако, льдом помнят издательство Академии наук, которое оформило книгу пышно, но небрежно и невнимательно. Книга, которая была в производстве почти два года, пестрит множеством опечаток — замеченных и, особенно, незамеченных.

Н. МИХАЙЛОВ

С. ИПОПОЛИТОВ

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

В. Ж.

О ПЛАВАЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

Поводом для экспедиции Обручева послужил загадочный случай. В 1925 г. некто Николаев, бывший белогвардеец, представил в Якутский государственный банк шестьдесят четыре грамма платины. Он сказал, что вынул их во время скитаний по реке Индигирке.

Какой это был бы романтический сюжет для Жюль-Верна! Все есть — клятвенные, но путанные показания раскаявшегося преступника, есть даже зарисованная им карта, где, как в пиратском романе, место находки платины обозначено крестиками. Чтобы найти клад, надо разыскать в таинственной неразведанной стране пять гор, похожих на коровье вымя, и возле них юрют якуты Ивана. Все есть для романа Жюль-Верна, не хватает только чудачка-ученого.

Сергей Обручев — ученый, но он не желает быть чудачком. Трезвый человек, он скупо называет эту загадочную историю на одной странице и отказывается использовать романтическую завязку.

Надо было пройти полторы тысячи километров по горам и болотам, чтобы убедиться, что Николаев попросту врал, запутывая следы. И так неудачная экспедиция? Подгода беспрестанных трудов и лишений и в результате — еще одно доказательство, что существуют на свете авторы историй и легенд? Отвездь нет! Но золотому следу шел не чужд богатства не для себя, золото не оставило его. Советский ученый идет по своей стране как хозяин этой страны, он исследует ее и открывает там, где клоникатеизм и в голову не приходило бы искать.

Сергей Обручев сознательно отказывается

С. Обручев. «От Якутска до Берингова пролива». Детиздат, 1940 г.

И. ХАЛУРИН

«Произведения искусства, в которых проявился литературный талант рассказчика, его характер, его ум, его взгляды, его литературный индивидуальный почерк, Таковы многие произведения этого рода литературы, начиная с эпикоса Бернгарда Даниа, которые рекомендовал издать Горький, кончая трудами наших современников, например, дневниками Шапелова».

Неверие к подлиннику, к запискам самих путешественников, сохранилось только у некоторых писателей; это неверие к читателю, культура которого выросла за годы революции, неверие к молодому поколению, которое привыкло кормить манной кашей популяризаторов. Если в Детиздате издадут Скотта, то не его дневник, так благодарно написанный, а обязательно «изложение». Издали отсюда, лет пять назад, «Путешествия Миллуса-Маклая», но на этой, такой мучительной, такой человеческой книге и остановились.

Неверие в способность ученого и путешественника говорить с читателем без посредничества переносного, кажется, и на советских ученых, на советские экспедиции.

Исключение сделано только для наших полярников. Здесь даже для дошкольников сами путешественники написали о своей жизни правдиво, тепло и просто.

Кавалось бы, что успех книг Палангина, Мазаурки, Ширнова должны были убедить издательство перенести их литературный метод на другие территории и климаты. Ведь искусство, как известно, польза аутентичности. Но почему-то не удается десятков географических книг — полярных. Бесспорно, советские полярные экспедиции героичны, полярники —

наша слава и наша гордость, и эти герои жизни достойны, чтобы стать героями книг.

Но разве наша страна выхолит только на берегах Ледовитого океана? Разве можно не рассказывать только о Севере, при разнообразии природы нашей родины, разнообразии народов, ее населяющих.

И пора понять, что героизм проявляется не только на льдинах, а что эта черта характера человека может проявиться даже в привычном путешествии на лодке. Правда, об этом «рядовом» героизме труднее писать.

У нас издадут воспоминания только тех путешественников, которых нельзя не заметить, кого знает уже вся страна.

А сколько труженников науки скромно и незаметно совершили подвиги во славу науки, во славу своей родины.

Детиздат в прошлом году трижды открыл Америку в трех книгах («Великое плавание» Шинновой, «Зарождение» Ст. Вольского и «Котумб» О. Гурьян). Это не верно. Но главная задача издательства — создать книги о своей родине, о советских людях, которые звучат ее.

Рассказывать детям о своей работе, о своем служении родине — задача, которая должна вдохновить наших ученых и путешественников. Это их отчет перед страной, перед ее молодым поколением.

У нас уже есть несколько ученых, умеющих говорить с широким читателем и детьми. Например, Формозов, Обручев, Келлер, Формозов, Мантейфель. Но жалкий может стать писателем, но каждый человек может рассказать о деле, в котором он кровно заинтересован, которое он любит.

Открывать путешественников легче, чем открывать новые материи, новые земли, новые острова, новые горы, новые реки. Им мы должны открыть их, эти путешественников, сделать их известными всей стране.

Перекличка поколений

Перед закрытым занавесом юноша в шинели читает стихи:
 Весной, весной, легендой,
 Нищего от близких не тая,
 Повторись опять, моя сумбурная,
 Пронетя комсомольская моя!
 Простей же, память, через
 тридцати,
 Постарайся день со днем связать...
 Это мной уже давно обещано.
 Это я обязан рассказать.

В поэтическом вступлении — тема, замаясая и основной мотив пьесы М. Светлова «Двадцать лет спустя». Это песенка о днях юности.

Перед нами — ожившие воспоминания. 1919 год. Южный фронт. Гражданская война. Небольшая группа комсомольцев уходит в подполье. Юным мечтам о счастье, о будущем, том лучезарном и заманчивом, предостают суровые испытания жизни. За каждым углом — смерть. Кругом — враги. Глядя в окно на прохладные белогвардейские поля, веселый и простой парень Вася — «Панцов» восторженно произносит: «Они идут и идут... Они идут уже больше часа... И подумать только, что мы должны их всех победить!»

Он не знал тогда, что всего через час крестца о победителе потребует от него самое дорогое — жизнь, его начинающую расцветать жизнь. Но он готов был, скрывать и мужественный Вася, если надо, отнять эту так нужную ему жизнь. «Я тебя очень прошу», — говорил он брату, просматривая списки комсомольцев, — если против моей фамилии будет слово «уйти», не оставь фамилию».

А брат скажет о нем: «Он был очень веселый... и очень мужественный. Он не боялся смерти... ни чужой, ни своей... До сих пор я думаю, что смерть — это только героизм, но это еще очень, очень тяжело...»

Юноши и девушки, вышедшие из драхловых лапчун, под прохот орудий — таковы герои драматической пьесы Светлова. Им незнакома душевная дипломатия. Они живут одним порывом, одним дыханием — дыханием революции и подвига, счастливы, что жизнь дана им светлаго метца, рады, что «в этом мировом пожаре» их «маленький домок горит».

Вспомнившись в наступающую даль времени, герои Светлова обращаются к потомкам, отдают себя на их суд. Ведь они живут и поступают так, как будто на них смотрит следующее поколение.

— Кто тебе больше нравится — Саша или Тося?

— По-моему, Яков лучше всех.
 — А по-моему, Тося.
 — Мне все нравится, — категорически заявила четвертый собеседник.

— А ты бы мог быть таким, как Яков?

— Не знаю...
 Наступило молчание.
 Подростки любят меряться ростом и силой.

Нам показалось, что юные участники услывшейся в антракте беседы мысленно «меряются ростом» с Тосей, Сашей, Яковом, Дуней, Момсейем...

Но в этом ли общественная и художественная ценность пьесы Светлова? Показав своих комсомольских «рыцарей без страха и упрека», драматург дал пример подражания. Дети видят юность отцов, беспокойную, полную жертв и лишений, героическую юность поколения, которому в 1919 г. было семнадцать лет.

Драматург приближает к нам картины прошлого прямым обращением к зрительному залу. Пьеса изобилует личными отступлениями, перебивается стихами и песнями, адресованными к молодежи наших дней. Это усложняет ее композицию, а следовательно, ставит перед режиссером серьезные трудности. Но благородный материал искупает с лихвой творческие затраты театра.

Сценическое воплощение пьесы Светлова можно сравнить с процессом озвучивания хорошего песенного текста, где слово легко переходит в мелодию, получает свое музыкальное выражение, как бы развываясь в нем самом ритме. Нужно только уловить общую тональность. Московский театр юного зрителя любовно и бережно отнесся к произведению Светлова и достиг главного — ему удалось переложить настроение, общую тональность пьесы.

Подернутая дымкой, точно воспоминание, возникает перед зрителем первая картина. Сцена постепенно наполняется светом — память пробивается сквозь десятилетия, чтобы воскресить насыщенный драматизмом борьбы обстановку 1919 года...

Да, такими были комсомольцы тех лет. Так читали тогда стихи молодожены поэты. Так увлекались «Тремя мукшкетерами», грезил о бесстрашных поступках и мнил себя «Артагьянами» многие, похожие на Сашу, подростки. Такими холодными и малодушными были буржуазные соседи, превращенные в клубы. Среди шумливого молодежи можно было встретить девушку Тосю (арт. А. Кудряшова), жалко набрасывающуюся на работу и умелую опозоривать, казалась, заурядное поручение комсомольской организации. Наиболее полно образ Тоси раскрывается в сцене у лавочной кассы. Отвечая наборщику, Тося говорит: «Да, я твердо не знаю, что нужно моему классу. Но я знаю, что нужно мне, а это, наверно, пулю моему классу».

Это голос социальной интуиции, того классового чувства, которое привело Тосю в комсомол, двигает ее поступками, волнует в волнующей революции. Все, что делается во имя революции, — возвышенно, прекрасно, красиво. Напрасно старик-наборщик упрекает ее: «Вы понятия не имеете о красоте», — иначе она не может смотреть на свое дело, каким бы прозаическим и малозначимым оно ни было.

Поэзия долга перед революцией, ее красотой, ее перспективами живут и все остальные герои светловской пьесы. Подкупающе просто театр показал романтика Сашу (арт. В. Захлова), мужественного организатора молодежи, ее волака Якова (арт. П. Саланга), поэта Костю (арт. С. Луанский). В изображении Вали, девушки, пришедшей в комсомол из интеллигентской семьи, нехватает уверенности и чувства свободы.

Сравнившись со многими сложными задачами постановки, театр не вышел, однако, финала. Последний акт сведен к декламации и картинной символике, лишены действия. Навряд ли такой выход из трудностей, вытекающих из драматургических недостатков самой пьесы, может быть полностью оправдан спецификой юношеского театра. Следует подумать над тем, как последний акт «подтянуть» к уровню остальных.

Пьесе М. Светлова поставил и театр им. Ермоловой. В его спектакле все как будто на месте. Довольно точно соблюдены авторские ремарки, не плохо читаны стихи. Но не в этой ли сухой пунктуальности заключен порок постановки? Не потому ли она выглядит, как монтаж наглядных иллюстраций к тексту, причем иллюстраций, лишённых того очарования юности, каким веет от пьесы? В сравнении с МГЮЗ театр им. Ермоловой имеет, пожалуй, одно преимущество, заключающееся во внешней театральности постановки. Вместе с тем увеличение технологией театральности отодвинуло на задний план и заглушило внутренний смысл слова. Мягкий юмор Момсея приобрел черты грубого комкования, а реплика Тоси не получила смысловой акцентировки, столь необходимой в данном случае для раскрытия образа.

Все это делает спектакль холодным и, как ни жаль, мало поэтичным.

Заметки о графике

Передо мной самый вышаренный зритель, полуголу расматривающий живопись и скульптуру, поглядывает выставку изобразительного искусства, едва взглянув на скромные витрины с рисунками, едва перебрывая тяжелые створки вентушек, хранищих под стеклом порою шедевральные произведения графики. Графика! Какое малозначительное, ушедшее слово! Оно годится для инвентарных музейных описей и каталогов, но оно совсем не выражает сущности большого искусства, ярких образов, которые хранит наша благородная память иногда с самого детства. Графика — это и шаровые репродукции, и блуждающие рисунки великих русских мастеров Кипренского, Репина и других, и карикатуры, и иллюстрации, и акварели и т. д. Графика в деле эстампов может иметь самое широкое распространение. Однако мало кто знает имена наших графиков, представляющих их творчество «важному сужденью знатоков».

И все же с каждым годом искусство рисунка, гравюры все более привлекает внимание зрителя. Графика не ступенчалась и на выставке лучших произведений советских художников, выставке чрезвычайно нарядной, блестящей рядом прекрасных картин в скульптуру. Залы, где представляется графика, очень красивы и привлекательны. Штатная задача в роострой статье перечислить все интересные работы или хотя бы кратко охарактеризовать лучшие образцы творчества. Их десятки в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Тбилиси, Минске, Ереване и др. Иллюстрации к книге особенно полно и многообразно показаны на выставке, и в ней, пожалуй, особенно ярко проявляются характерные черты советского стиля графики. В противовес чисто декоративным, а порой и условным стилистическим принципам оформления книги, наши художники создают и укрепляют новую традицию свободного реалистического рисунка.

Когда советский художник Е. Кибрик сделал свои превосходные иллюстрации к «Кюла Брюнону», Роман Роллан написал: «Читай французский перевод «Фауст», сделанный Жераром де-Нервалем, старый Гете говорил, что этот перевод освежает и обновляет его собственное представление о его поэме. То же самое я испытываю, глядя на живописные рисунки Кибрика к моему «Кюла Брюнону». Мой герой возвращается ко мне отстрепшим от меня, радостным и сытым. Он достиг полной независимости...»

Хотя самое искусство иллюстрации предполагает глубокое проникновение в литературный полноты, все лучшие иллюстрации несут на себе печать творче-

ской самостоятельности художника. Пластические образы, созданные лучшими иллюстраторами, живут в сознании читателя как полноценные художественные произведения, сохраняющие весь аромат поэзии, почтенной в литературном отношении, но они обогащают читателя еще новыми впечатлениями. В лице художника читатель приобретает как бы нового талантливого собеседника, который уточняет, углубляет и неизменно расширяет его собственное представление о героях книги, об эпохе, ее толкованиях и т. д. В иллюстрациях Е. Кибрика к «Кюла Брюнону» Ш. де-Костера и особенно к «Кюла Брюнону» необыкновенно вышло переданы народные типы, атмосфера ренессанса, жалкая любовь к жизни, к свободе, к творчеству.

Эти иллюстрации вошли в искусство советской графики так же прочно, как рисунки к «Ревизору» старейшего советского мастера Д. И. Карловского, как пушкинский цикл П. П. Ульянова, как первоклассные произведения С. Герасимова (иллюстрации к «Делу Артамоновых» Горького и «В свете умеренности и аккуратности» Салтыкова-Шчурина). С. Герасимов выступает в графике как мастер, создающий большую энциклопедическую линию реалистического рисунка. В последнее время в его творчестве все ярче звучит эмоциональное начало.

Молодой мастер Д. Шмаринев показал на выставке лучших произведений советских художников свой новый цикл рисунков «Петр I». Это талантливый, свободная творческая работа над образами литературного произведения, первая попытка советского художника по-новому осветить эпоху Петра, раскрыть ее противоречивое начало, ее социальные противоречия, сложный характер великого преобразователя.

Лучшие советские графики выросли и воспитались на больших художественных традициях русской и западноевропейской классической литературы. Великую школу проходили они, иллюстрируя Пушкина, Гоголя, Толстого, Флора, Мопассана, Салтыкова-Шчурина, Горького. Творческий путь Кукрынических от капитализма к социализму в значительной мере проликован произведениями Горького, который высоко оценил их умные, содержательные иллюстрации к «Ванюгу Самгуню». Острый, оригинальный стиль А. Каневского развивается, литься генеральными сатирическими обобщениями Салтыкова-Шчурина.

Большие мастера книжной иллюстрации и рисунка Рудаков и Лебедев оттачивали свое мастерство, преимущественно изучая наследие французской художественной культуры. Кажется, порой, что Рудаков рассматривает и действительность и

литературные образы Золя или Мопассана сквозь призму французской живописи XIX—XX вв. Рудаков превосходно передает выразительную красоту «Пана» (по роману Золя), с большим темпераментом рисует образы парижских улиц. Но нет в этих акварельных рисунках настоящего драматизма, той глубокой трагической мелодии, которая пронизывает повесть «Милый друг» Мопассана, и того социального фона, который с поразительным размахом показан Золя в «Пана».

В иных иллюстрациях («Милый друг») вновь изменяет Рудакову, и кажется, что гравюры его истинным были модные французские журналы.

В Лебедеве как иллюстратор, к сожалению, не показан. Его как мастера рисунка характеризуют две блестящие работы («Бадерна» и «Пастушкина»).

С первых лет Великой Октябрьской социалистической революции советские графики выступали как активные бойцы за актуальную советскую тему. Советская графика росла в огне гражданской войны, когда Малютин, Малковский, Черемных, Моор и многие другие рисовали плакаты, проникнутые революционной романтикой. И жаль, что на выставках этих плакатов — ярких свидетелей боевого кризиса художников революции (Д. Моор представлял только превосходными иллюстрациями к книге Вайнера «В огне»). В офортах П. Шваринского (поно двадцати лет) с поразительной свободой и величием была показана героика строительства, вдохновляемая Лениным «Завтра», «Завтра». Эта традиция монументальной офорты, воплощающего большую советскую тему, не наша себе достояние развития. Это один из проболов в работе графиков. Наиболее интересны в этом плане акварели украинского мастера А. Шукетюка («Днепрогос») и офорты Д. Буталадзе («Орджоникидзе и Киров на Кавказе»).

Художники Шеглов и Дегтерев показали свои рисунки на революционную и революционно-бательную тему. Одна из тем, неизменно привлекающая художников, это героическая эпоха «Взятие Зимнего».

Дегтерев не выработал себе яркой индивидуальной манеры, рисунок его вял, бесцветен, лишен артистизма.

Заслуживают серьезного внимания циклы иллюстраций к народному эпосу Грузии, Армении, Калмыкии (чрезвычайно поэтический цикл «Джангар» В. Фаворского, «Давид Сасунский» А. Голчарова).

Акварель была когда-то высказанным искусством, рассчитанным на узкий круг любителей. Акварельные портреты, как правило, приближались к миниатюре. Сейчас наши лучшие акварелисты широт широко, свободно, на больших листах, как живописцы — маслом. Характерны в этом смысле глубокий по характеристике и красивый портрет А. Фоминина «Зеркало» в пьесе Островского «Последняя жертва», а также портрет молодого, талантливого мастера А. Варюничной «Актриса Еланская».

Как бы высоко ни оценивали мы успехи советских графиков, нельзя не отметить, что подавляющее большинство их чрезвычайно робко подходит к советской теме, к созданию образов современников, диапазон тем недостаточен широк. В отделе станковой графики преобладают темы, лишенная социальная острота, боевого пафоса. За исключением вышеуказанных работ, а также замечательных акварелей Лейвека (на темы о капиталистическом Западе), здесь больше мирных созерцательных настроений, лирических пейзажей, эффектных букетов цветов, превосходных рисунков из мира животных Чаушина, Аверина и др.

В лучших пейзажах выставили нашу свое выражение глубокое чувство природы, питаемое полновидной любовью к советской родине. Однако в центре советского искусства есть и будет советский человек. Дать его образ, раскрыть его отношение к миру — первоочередная задача художников всех родов оружия.

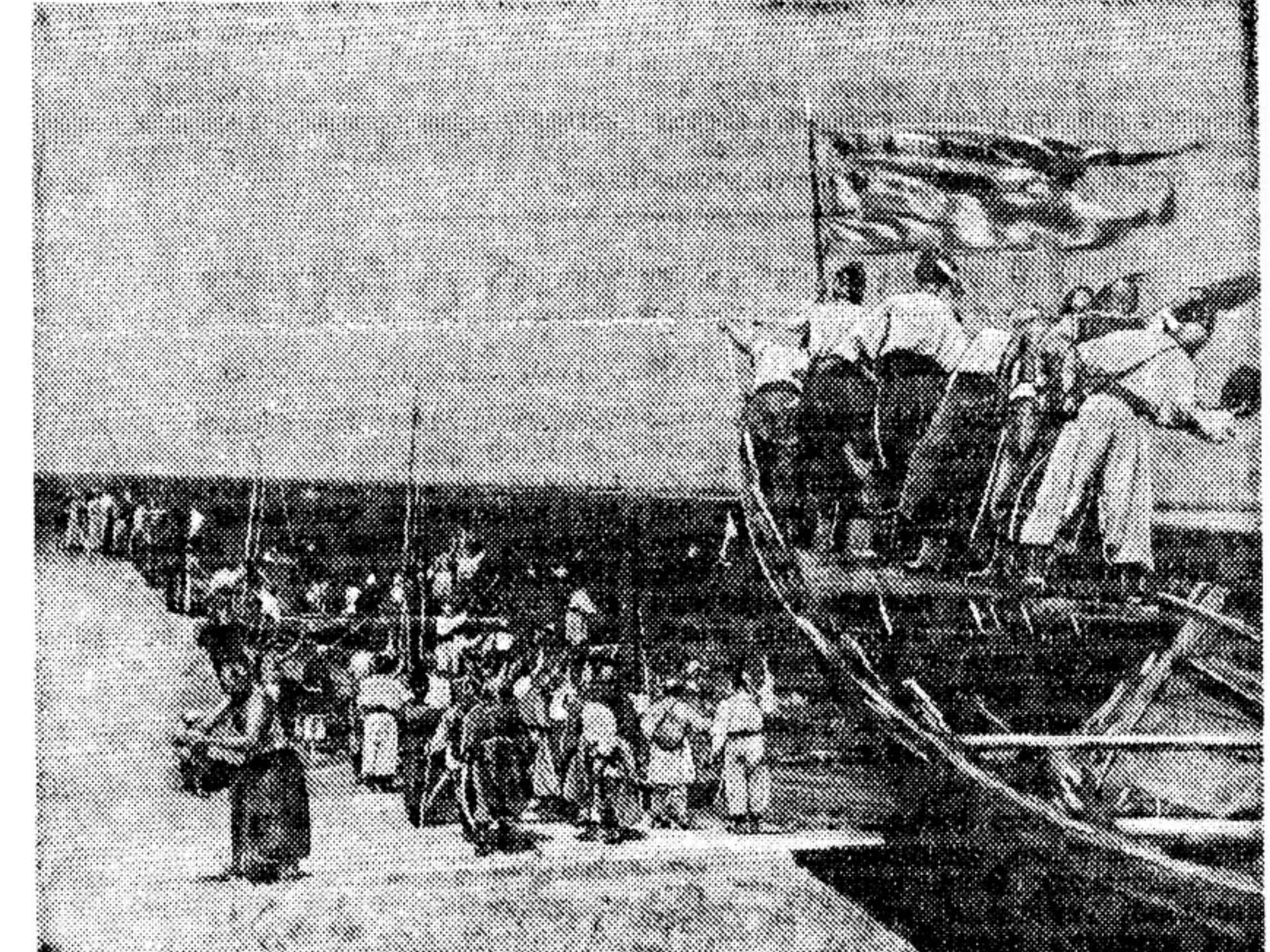
Подчеркнув чкаловские черты в характерах его сподвижников, режиссер добился бы правильного представления о том, что чкаловские черты характерны и для всех советских летчиков, не говоря уже о таких героях, как Белюков и Байдуков.

Фильм «Валерий Чкалов» — произведение биографическое. В центре внимания стоит герой, Чкалов. Успех или неудача этого образа решают успех или неудачу всего фильма. Портретного охвата с Валерием Павловичем (актер В. Белокуров) примера и оператор добиваются не всегда успешно. В некоторых ракурсах Белокуров буквально похож на Чкалова. Ноги непохожи совсем. Но не портретное сходство решает дело.

Одаренный актер В. Белокуров хорошо использовал богатейший материал своей роли. Противоречивый характер героя раскрыт в сценарии ярко, всесторонне, в возвышенном, романтическом стиле. Со сценария сценарий Чкалов выступает как легендарный герой-современник. В действительности Чкалов и был таким. Приподнятый, романтизм образа Чкалова в сценарии была продиктована самой жизнью.

В Белокуров создается яркий и живой человеческий образ. Сколько силы, ума и мужества в облике, в голосе актера. Сколько непосредственности, мужского грубоватого обаяния, какая свобода во владении словом, какая собранность и легкость в движении. И все же стилистически фильм гораздо «приземленнее» сценария.

В нашем искусстве сильно тяготение к биографической тематике. Жизнь великих людей прошлого и, что еще интереснее, настоящего становится объектом изображения в литературе, живописи, даже в музыке.

Кадр из фильма «Богдан Хмельницкий». Автор сценария А. Корнейчук, режиссер И. Савченко, оператор Ю. Емелькин.

ПРЕКРАСНАЯ СУДЬБА

Мы видели жизнь, достойную подражания, прекрасную судьбу нашего современника, героя нашего времени.

Многие из нас видели живого Чкалова. И мы узнали его на экране. Вот он, смуглый, радостный и усталый, разговаривает со Сталиным на Тушинском аэродроме. Вот он в красном комсомольском комбинезоне летит над Северным полюсом и приземляется на американском аэродроме. А вот и совсем знакомые кадры: Москва встречает Чкалова, возвращающегося с острова Удд. Жаль, что эти кадры промелькнули так быстро. Может быть, артист узнал бы себя в толпе у Белорусского вокзала. Это было ведь совсем недавно, можно вспомнить, у какого столба, на каком углу мы стояли, под громы оркестра, под ливнем листовок встречая любимого летчика.

Огромный человек, прекрасные способности нашей современности!

Фильм заставлял говорить о современной теме в нашем киноискусстве.

Маленькой современной темы не существует. Эта тема — всегда большая, иначе она не современна. Если маленькое, слабое произведение искусства. Оно появляется, когда художник бескомпромиссно констатирует факты, не пытаясь вынуть в их жизненную сущность, не пытаясь подвести до высшей философской обобщения. Был, положим, Стаханов, выдал он столько-то на-гора, люба такую-то девушку, преодолел такие-то препоны, — вот как все это у него здорово получалось! Или вот как ловко изволили диверсанта на границе! А артист заглядывает в будущую жизнь таких картин и остается безучастным, потому что это не современность, а схема. Но когда мы видели героя, отдавшего все силы для достижения намеченной цели, когда мы видели, как светлеет его глаза от поразительно верной мысли, как гнут его трудности и как радостно выпрыгивается он, победив, как большая идея оплодотворяет его жизненный путь, — тогда мы верим в реальность происходящего на экране. Тогда мы уходим с просмотром выросшими, умудренными, возмужавшими. Тогда мы говорим: это фильм на современную тему.

чества этой умной машины превосходны. Мужество и мастерство ее водителя — совершенны. Но вдруг — незначительная неполадка. Заело левую ногу пассажира. Нельзя приземляться. В ясном, радостном небе Чкалов играет со смертью. Нельзя же бросить экспериментальный самолет, стоивший миллионы! Оглушительная серия фигур высшего pilotaжа — пики, имельмансы, петли, бочки, пики... Нужно выкрутаться шасси. С аэродрома улетит покорную от гора жену. Пики, иммельмансы, бочки... Приказ вырваться с парашютом. Нет, машина не виновата. Еще петля, еще пики... На лбу надуться жидкий Горький привкус пота на губах. Последние пики. Шасси слета на место. Самолет садится. Чкалова вытаскивают из машины, несут на руках. К нему подходит Сталин:

— Ваша жизнь, жизнь летчика нам дороже любой машины!

Удивительно простая мысль. Ну, конечно же, дороже! Как мы не подумали сами? Ведь, вся сложная жизнь Чкалова, с ее обаянием, неудачами, достижениями, говорит об этом. И сам Чкалов это понял. Жизнь! Самое дорогое! И сразу стало жалко, что нелюбим, недоразуваюсь, недоумал раньше. И сразу стало ясно, что многое еще предстоит сделать. И он делает. Зритель этому верит.

На языке драматургии это называется кульминацией. Наивысший пункт действия, момент наибольшего напряжения, перелом в судьбе героя.

Хорошо, что в «Чкалове» этот перелом сопряжен с мыслью, побеждающей своей простотой.

Дальше мы видим обновленного, выросшего Чкалова. Нет, он не «исправился». Сталинское слово дало ему твердую почву в жизни. То, что раньше вывалилось в лихачество, — подчинено благородной цели. Свою неопию дорогу жизнь он должен посвятить партийному делу — летать лучше всех. Он — советский летчик.

И после тяжелой утраты — смерти Алехина, после великой победы — полета на Удд, после горячайшего разочарования — запрещения полета через полюс, — опять разговор со Сталиным. Увенчав творчество многих людей, работу многих заводов, прославив труд и победы великого народа должен новый чкаловский перелет.

«Чкалов» развязка сопряжена с победой, вдохновляющей своей трудностью.

Самое дорогое у человека — жизнь, отданная безраздельно служению своему народу, строящему коммунизм, всегда будет увенчана победой. Это — политическая современная тема.

Высокое качество фильма «Валерий Чкалов» обусловлено, в первую очередь, тем, что по своей идейности и современности, тематической современности и своевременности, по мастерству построения сюжета и полнокровной живности образов сценария, легким в основу фильма, является выдающийся произведением «Валерий Чкалов» — крупная и принципиальная победа кинодраматургии.

Работа режиссера М. Калатазова талантлива, но первона. Прекрасно поставлен и снят (оператор А. Гинзбург) атмосферные эпизоды, особенно праздник в Тушине. Отлично удалось режиссеру эпизоды, где документальные кадры вмонтированы в действие фильма. Это сделано очень смело! Разве не велика была опасность, что документальные куски стилистически разойдутся с игровыми? Разве не велика была опасность, что актер, играющий Чкалова, рядом с подлинными фотографиями Чкалова покажется неправдым? Но этого не случилось. Документальность подтвердила реалистическую стилистику игровых кадров. Смонтированные в прекрасном темпе, эпизоды эти бесспорно хороши. Улучно поставлены и сцена в кабинете директора авиазавода, где Чкалов страстно отстаивает испытывать машину, и сцена авария на аэродроме, где Серго Орджоникидзе, вытаскивая Чкалова из-под обломков самолета, с быстрой и конкретностью большинства руководителей решает вопрос о дальнейшем испытании машины.

Зато значительно слабее сцены камерные, лишённые внешне эффектного действия.

Когда Чкалов, вернувшись домой после разговора со Сталиным, мучительно думает о том, как ему теперь жить, как позавать воеду и всей стране, на что способен советский летчик, патефон тихо, но внятно напевает: «И кто его знает, на что намекает...» Режиссерская находка! другого вкуса!

Людам, знакомым со сценарием, очевидно, что в этих сценах режиссер не использовал всех возможностей, которые подсказывает ему драматургия.

Спорный представляется нам и трактование некоторых образов.

Роль Ольги, жены Чкалова, представляла и по сценарию значительные трудности для актрисы. Жена великого мужа, всецело преданная ему, Ольга лишь в одной сцене проявила мужество и ум, долой сцене преданная ему. Ольга лишь в одной сцене проявила мужество и ум, долой сцене преданная ему. Ольга лишь в одной сцене проявила мужество и ум, долой сцене преданная ему. Ольга лишь в одной сцене проявила мужество и ум, долой сцене преданная ему.

Механик Пал Пальч (арт. В. Ванин) бесспорно вызывает горячие симпатии зрителя. Простоватый, наделенный безбоязненным юмором, безгранично преданный Чкалову, Пал Пальч искренно сопереживает с ним все его победы и поражения. Он как бы смягчает крупные чкаловские страсти, придавая некоторым драматическим эпизодам очень мягкий и тонкий юмористический оттенок.

Это испытанный, классический прием. Вспомним хотя бы Улениншгеля и Ламме Гольдлака. Однако В. Ванин часто «наимает». В сцене на кухне, когда Пал Пальч советует Чкалову сделать перед окном Сталина четирыста мертвых лететь, Ванин переиграл. Широкое открытие глаз, подталкивание, легкое отступление со своих позиций делают механика человека немым и даже глуповатым. Это неверно. Пал Пальч советует прежде всего Чкалову, а перед ним сидит живой человек. В гашишней беседой с воедом вовсе не этом ошибка механика, который вовсе не знает Пал Пальч в этой же сцене понимает, что Чкалов изменился, происходит перелом в характере самого Пал Пальча. Этого Ванин не показал, и в этом ошибка актера, огромное обаяние которого делает все же образ живым и милым.

Роль сподвижников Чкалова — Белюкова и Байдукова — также недостаточно ярко сыграны актерами С. Яровым и П. Березиным. Им нехватает индивидуальных черт, в них мало и чкаловского,

ПОЧЕТНАЯ ЗАДАЧА

Малый театр готовит к постановке комедию А. Корнейчука «В степях Украины». Пьеса эта интересна для Малого театра со многих точек зрения. Галатейский советский драматург, успешно пробывавший свои силы в жанре героической драмы и бытовой пьесы, обратился сейчас к наиболее любимому для советского театра жанру психологической комедии, к тому же с элементами буффонного водевилья. Пьеса на крестьянскую тему всегда привлекала пристальное и благодарное внимание «Дома Шекспира». По за последние 23 года мы, к сожалению, о деревне ничего, кроме «Иского лога» К. Тереева и «Жизнь» Ф. Палфорова, в нашем распоряжении не имели. «В степях Украины» — пьеса на особенно актуальную и важную для нас политическую тему. Она показывает украинское село в период завершения победоносного социалистического колхозного строительства. Противопоставление коллективистического начала пьесы собственническому — основное содержание комедии А. Корнейчука.

Образы этой комедии — яркие, жизненные, исторически поучительные. Колхозник Чеснок, председатель колхоза «Смерть капитализму», — подлинный представитель тех героических масс советских крестьян, которые сумели построить колхозный строй и разорвать частновладельческие связи на советских полях. Темперамент его — бурный, яркий, характер — напористый, ни перед чем не останавливавшийся. «Если идти к коммунизму», — говорит Чеснок, — то идти нужно без остановок и каждый день». Это подлинный новатор в своем колхозном селе, жизненный, убедительно написанный драматургом представитель нового советского мира, человека с социалистическими интересами и заботами. «Мы самое главное население», — утверждает о себе Чеснок. В этом основная идея этого яркого сценического образа.

Председатель колхоза «Тихая жизнь» Галушка — хитроватый мужик с лопаткой, который представляет консервативных элементов шашей колхозной деревни. «Мне и при социализме хорошо, но мне еще не надо», а Чеснок пусть меня к коммунизму не тянет», — заявляет о себе Галушка. Он не враг (в прошлом и Галушка так же, как и Чеснок, — командир), «Партийная линия», — заявляет Галушка — для меня самое главное. Но любовь к покою, к жизни безмятежной преобладает в его характере над всем остальным. Тип шустрого и оборотистого делати выведен в образе «агента по торговле» Додгоноскиа. Это жулик и прожектер, которого колхозники типа Галушки не способны разгадать, но которого разоблачают Чеснок и секретарь обкома партии своим безошибочным большевистским чутьем.

Большевики, выведенные драматургом в пьесе, это люди с яркими характерами, темпераментные, деятельные и простые. Секретарь обкома партии товарищ Степан, появившийся сначала в колхозе под видом шофера, за два дня, проведенные на селе, сумел понять положение вещей, не впадая в администрирование, помочь местным людям выправить политическую линию, сделать понятными для Галушки ошибки его поведения. Великолепная, жизнеподобная, сердечная, душевная колхозная молодежь показана в лице Гали, дочери Галушки, Гринько, сына Чеснока, трактористки Катерины, комбайнера Алексея и др. Их тема в пьесе — это итчем не омраченная радость социалистического бытия, бескомпромиссная борьба за светлое будущее социалистической родины.

В пьесе А. Корнейчука для театра таятся немалые трудности и скрытые жанровые богатства. Преодолеть эти, раскрыть театральными средствами другие — вот радостная задача, стоящая перед творческим коллективом Малого театра, выпускающего «В степях Украины» в кратчайший срок (два с половиной месяца). Продолжая лучшие традиции украинской классической комедии Провинциального, Баренко-Карого, А. Корнейчук сумел насытить свою комедию элементами водевилья с переодеваниями, песнями, остроумной вытучкой (постановка на колхозной сцене «Ромео и Джульетта»), а главное, замечательным, сочным украинским юмором.

Не расторгать, не расширять это комедийное жизнеподобное богатство и в те же время кончить до зрителя идейно-политическое, социальное содержание пьесы — в этом почетная и трудная задача Малого театра.

Новые переводы пьес

В издательстве «Искусство» вышли три пьесы национальных драматургов, впервые переведенные на русский язык: драма «На зачест» А. Ширваншана из жизни бакинских нефтепромышленников и рабочих в переводе о армянского Я. Хачатуряна, драма о туркменском народном герое «Кейнир Кор» К. Бурунова и Б. Аманова (перевод Р. Беньши), пьеса Я. Мамонтова «Фата Моргана» по одноименной повести М. Конюбинского в переводе о украинского В. Радина.

Одновременно в издательстве вышли три пьесы западных драматургов: «Рабский кушину» — комедия немецкого поэта и драматурга эпохи романтизма Генриха Клейста в переводе В. Пастернака, «Хитрая вдова» — одна из лучших комедий К. Гольдони в переводе А. Джибелова и современная пьеса английского драматурга Д. Голсуорси «Мертвая хватка» (перевод С. Таманцева и Г. Ирхо).

Хроника искусств

В Ленинграде предстоят две интересные премьеры. 15 марта в Государственном академическом театре драмы им. Пушкина состоится первая опера «Господыня» (М. Бугаклова по Сорантеу), в котором выступят народные артисты РСФСР И. Черныш (Дон-Кихот) и народный артист РСФСР В. Горин-Горинев (Санчо Панса). Спектакль поставил режиссером, заслуженным артистом РСФСР В. Кожиным, художник С. Юнович, композитор А. Жигортов.

В марте будет показана и новая работа Большого драматического театра им. Горького — трагедия Шекспира «Юлий Цезарь». Ставит «Юлий Цезарь» режиссер И. Ковалев, художник Натан Альтман, композитор Д. Шостакович. Роль Цезаря исполняет заслуженный деятель искусств В. Софронов.

ПОДГОТОВКА К ЮБИЛЕЮ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

АЛМА-АТА. (Наш корр.) Союз писателей Казахстана развернул подготовку к 100-летию со дня смерти великого русского поэта. Готовится к печати двучтомник избранных произведений М. Ю. Лермонтова на казахском языке. В него войдут основные поэмы, прозаические произведения и стихотворения поэта. К работе над переводами привлечены крупнейшие поэты Казахстана.

В учебных заведениях и на предприятиях города будут проведены литературные вечера и доклады о жизни и творчестве Лермонтова.

ЕРВАН. (Наш корр.) К столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова Госиздат Армении выпустил в печать двучтомник его произведений. В первый том войдут почти все поэтические произведения, во второй — проза.

Поэмы и стихотворения Лермонтова переводят А. Исаакян, Н. Зарян, Г. Сарьян, Ов. Шираз, Г. Борян, Р. Потосян, Зеспер, Бауни, Корюн, Шогенц и другие.

В обиход будут включены также переводы Ов. Туманяна (поэма «Мцыри»), Сатаяна и Мирзояна («Демон»), часть переводов Цатуряна и другие. Редактор двучтомника — профессор Г. Абов.

ИОШКАР-ОЛА. К лермонтовским дням на марийский язык переводятся «Герои нашего времени» и сборник избранных стихотворений поэта. Специальный номер литературно-художественного альманаха, посвященный М. Ю. Лермонтову, будет издан на марийском и горно-марийском языках.

САРАТОВ. Научная библиотека Госуниверситета составляет сводный каталог лермонтовской литературы. Один из разделов каталога носит название: «Лермонтов в Саратове». Сюда включены саратовские издания произведений Лермонтова, статьи, рецензии и т. д. К юбилею подготавливается большая выставка «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова».

СТАЛИНИНГР. Госиздат Юго-Осетии выпускает на осетинском языке сборник избранных стихотворений великого русского поэта и повесть «Герои нашего времени».

ЭЛИСТА. (Наш корр.) Совнарком Калмыцкой АССР создал республиканский лермонтовский комитет. На калмыцком языке выходят отдельные произведения поэта. Надан сборник стихов Лермонтова, отдельной книгой вышла сказка «Алиш-баба» в переводе Г. Шабурова.

К юбилею М. Ю. Лермонтова переводится часть «Герои нашего времени». Группа калмыцких поэтов работает над переводами ряда поэтических произведений поэта.

Еще о писателе и книге

Приятно было прочесть лирический фельетон Вл. Лидина о дружбе писателя с книгой. (См. «Лит. газету» № 7).

Но меанурную лирику хочется дополнить современными требованиями писателя к своей книжной лавке.

Мне нужно купить несколько экземпляров новой книги, потому что выдаваемых ГИХЛ не хватает для моих друзей. Звоню в нашу лавку. Оказывается, лавка торгует только изданиями «Советского писателя»!

Мне нужно подписаться на журнал — тоже нельзя: этим заведует Лиффонд. Мне нужны стихи моих товарищей, только что вышедших в Иркутске, Воронеже, Иванове, Тбилиси, Ереване и т. д. Как правило, в обычных магазинах купить их нельзя. Нельзя их выписать и через нашу книжную лавку.

Словом, я хочу сказать, что наша лавка слишком антикварна (а ведь, например, у Смирдина не было такой тенденции). Но по антикварности сильней ее окажется любая антикварная лавка.

Так что наша лавка — ни туда и ни сюда, филиал клуба кто ли?

Хотелось бы приблизить ее к современным нуждам писателя.

Еще один сличком большой вопрос — мажордом ветрозвук т. Лидина — это о развешивании библиотек писателей после их смерти. Библиотека писателя — это его биография. Разве можно было развешивать астафьевскую библиотеку? Мне кажется, такие библиотеки надо хранить в пенсии. А вот недавно по рукам пошла небольшая, но любящая собирать библиотеку Г. И. Чуковского. Нельзя допустить, чтобы такая же судьба постигла библиотеку безмерно ушедшего Ю. М. Соколов. Второй такой по фольклору и удобным молодому фольклористу; центральные библиотеки не могут вместить такого кабинета, где все под рукой. Непременно ее надо сохранить в целости!

Конечно, для книжных лавок сохранение таких библиотек — чистый убыток. Но наша лавка легко его возместит, расшарив свою работу на участки сегодняшней жизни. Сергей ГОРОДЕЦКИЙ.

В. ЛУГОВСКОЙ М. МАТУСОВСКИЙ

АРОН КОПШТЕЙН

Арон Копштейн... Сразу вспоминается Харьков, Университетская горка, старые провинциальные трамваи, бесконечные споры о стихах. Арон тогда еще был совсем подростком, писал свои первые украинские стихи и вгонял всех в дрожь своей феноменальной памятью — мало того, что он знал наизусть «Евгения Онегина» и массу стихов русских символистов, он знал и помнил все, что писали поэты, живущие с ним рядом, молодые и старые. Ему достаточно было прослушать стихи один раз, чтобы он повторил их немедленно с абсолютной точностью. Некоторые поэты даже боялись его памяти. «А помнишь», — говорил Арон, — ты начел стихи к первому мая, в прошлом году в «Вечерней газете»? — и тут же читал стихи из первой свежести, с которых поэт с удовольствием бы забл.

Тяжело повторить о молодом поэте, поэтическая жизнь которого только начиналась и была обрвана белогонимской пулей в тот момент, когда он выносил из-под огня раненого красноармейца. Он жил вечно, влюбленно, как подлинный поэт, и умер на снегу, как солдат революции.

Детство, жаркие степные украинские ветры, безрадостная жизнь бедной еврейской семьи. Арон вспоминает своего отца, годного, большого старика, живущего в

Литературная газета № 10

ПОСЛЕДНИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

«НОВЕ ВИДНОКРЕНТИ»

Вышел в свет первый номер литературно-общественного журнала «Nove vidnokrenti» («Новые горизонты»).

В журнале напечатан отрывок из исторической повести В. Васильевича «Роскош» о Вартоме Глоцком. Польский писатель А. Рудницкий, знающий советскому читателю по своему роману «Солдаты», представляет рассказом «Юзефов». Интересен отрывок («Из материалов для романа») польской писательницы Г. Гурской — «Царство Греллей», из жизни бескидских горцев. В отделе прозы напечатаны также две новеллы молодых писательниц Бланки Збышевской («Последний день») и Елены Сельм («Angina pectoris»).

В отделе литературоведения и критики выносятся привлекательные работы проф. Бой-Желенского. Первая посвящена современному польскому театру во Львове. Вторая — «Старые и новые пути науки о Мицкевиче» — рассказывает о том, как неудовлетворительно велось до настоящего времени изучение наследия Мицкевича, как возвращали его образ различным буржуазным исследователям.

Много места уделено описанию недавних торжеств в честь 80-летия со дня смерти Мицкевича, прошедших с огромным подъемом во всем Советском Союзе.

Среди остальных материалов: обстоятельное исследование Р. Верфеля «Русская демократия и восстание 1903 г.», обширный «Обзор советской литературы» и два очерка об учебниках для польской школы.

Современная польская поэзия показана произведениями М. Иструна, Ю. Пшибоса, А. Важика, Ю. Путрамента, П. Кожуха и С. Гинчанки. Подробный разбор журнала будет напечатан в ближайшее время.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Первая в этом году книга журнала «Интернациональная литература» открывает новым романом Ричарда Райта — «Сын Америки». Автор печатает и свою статью о работе над этим романом — «Как родился Битгер».

Второе крупное произведение в книге — новая пьеса Бернарда Шоу «В волонтеры доброго короля Карла». Действие пьесы происходит в XVII веке в Англии. Главный герой — Исаак Ньютон.

Среди беллетристических произведений публикуются: «Повесть о Семене Сиротнике» словенского писателя И. Панкара и рассказ Ганса Розенблома «Интермеццо».

Следующий раздел журнала посвящен Адаму Мицкевичу. Сюда вошли статьи Мицкевича, печатавшиеся во французской газете «Трибуна народа», статья Жорж Санд о великом поэте и другие материалы.

Памяти испанского писателя Валье Инхала посвящены статьи испанских писателей Мадальны и Рубен Даро.

В журнале помещен обзор французской прессы за последнее время, статья — о книге американского писателя Алберта Мальца «Глубинный поток», об американском журнале «Поэзия», о романах Луиса Джона и другие.

«ЗНАМЯ» № 2

Выходит вторая (февральская) книжка журнала «Знамя». Большое место в номере занимает записка младшего командира И. Митрофанова «В светлые Филарды». Это своего рода дневник участника войны о белогонимцах, в котором рассказывается о героизме советских воинов.

Из беллетристических произведений помещены рассказы С. Ващенко «Полковник болел» и В. Курочкина «Грубка», а также «Северные рассказы» Итурмана В. Аккуртова.

Поэзия представлена стихами П. Антокольского «Ленинград, декабрь 1939 года» и Н. Грибачева «Город».

Статьи проф. И. Звигачи «Томи Аткинсо» (из истории английской армии) и Б. Перлина «Война за Тихий океан» составляют отдел публицистики.

Оборонной литературе в тольких журналах за 1940 г. посвящена большая статья Я. Рыкачева. Кроме того, отдел критики содержит еще статью Е. Крекшина и Ю. Севрюка о традициях Маяковского. Под рубрикой «Наша грубка» публикуются статьи Геннадия Филса «Наши старые командиры», А. Исаба «Тема жизни и смерти» и Д. Данина «Еще раз о философской лирике».

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮЩИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 18.

ТЕЛЕФОН К 4-42-39.

ПОКУПАЕТ И ПРОДАЕТ

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ

КНИГИ

ПО ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ, ФИЛОСОФИИ, ТЕАТРУ и ДР.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Из писем читателей
и от наших корреспондентов

БАКУ. Заключился первый тур конкурса на лучший пьесу. Жюри рассмотрело более 60 драматургических произведений. Первая и вторая премии никому не присуждены. Третья премия (5.000 рублей) получила пьеса Осман Саринелли за свою драму в стихах «Абаке». В этой пьесе показана героическая борьба азербайджанского народа за освобождение от иностранных захватчиков. Ряд пьес получил поощрительные премии.

ВИННИЦА. В Литературном музее открылся новый отдел «Копиюбийский и Тичинский». Здесь экспонированы письма А. М. Горького и М. М. Копиюбийского к Тичине и ряд других интересных материалов.

КАЗАНЬ. Союз советских писателей Татарии подготавливает к изданию «Антология татарской поэзии» на русском языке. Антология намечено выпустить к декаду татарского искусства в Москве.

КИЕВ. Союз писателей Украины провел совещание прозаиков, посвященное подготовке к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад о путях развития украинской прозы и задачах в связи с подготовкой к этой дате сделал Г. А. Корнелчук.

НИРОВО. В областном комитете ВКП(б) состоялось совещание по вопросу о работе лировской областной литературной организации. Намечен конкретный план работы. В этом году решено созвать курсы-конференцию начинающих авторов, организовать политическую учебу членов литературной организации и т. д. Избрано бюро лировской организации, в состав которого вошли: Заболотский (отв. секретарь), проф. Дригин, Корнеев, Прохоров, Косарев.

МИНСК. При Институте литературы и языка Академии наук БССР создан сектор еврейской литературы и языка, где сосредоточена вся работа в области еврейской культуры, которой ранее занимались различные учреждения.

ОДЕССА. На швейной фабрике им. Воровского часто устраиваются беседы о литературе и литературных вечерах. Докладчиками выступают читатели фабричной библиотеки — рабочие фабрики. Устроены беседы о творчестве Лермонтова, Маяковского, Тенин, близжайших бесед — произведения Горького, Франко, Шолом-Алейхема, Чехова, Шолохова.

ХАРЬКОВ. Управление политической пропаганды Харьковского военного округа провело совещание по вопросу об участии писателей Харькова в создании истории частей и соединений. Группа литераторов уже выехала в воинские части округа для работы над материалами.

Из прошлого ЛИТОВСКИЙ ОТКЛИК НА ЮБИЛЕЙ ШЕВЧЕНКО В 1911 ГОДУ.

Хотя шевченкобийский юбилей 1911 г. проходил в условиях всемогущих выхлопот и пресловутой трудящейся армии, тем не менее, насильственно зарождалось, почти сразу возникло украинское общество.

Торжественный юбилей шевченкобийский юбилей в Прибалтике. В № 47 украинской газеты «Галла» (издававшаяся в Киеве) от 27 февраля (12 марта) 1911 г. среди многочисленных телеграмм-откликов на шевченкобийский юбилей на украинском языке, посвященного по своему содержанию приветствие, полученное из Вильно от литовцев.

«Приветствием души», — гласила телеграмма (приводим ее в переводе с украинского языка), — о неистовом великом украинском поэте Т. Шевченко. Примите от украинского народа и моего личного сердца и наших чувств. Хотел бы и Днепр в разлив текут моря, но обидел бы радость и горе. Пусть плес немановских вод напомнит нам днепроветские воды. Днепр пусть скажет поэт о Днепре. Пусть же Днепр, широким могучим дух великого Тараса».

Телеграмма подписана редакцией литовской газеты «Вольнас».

Этот волнующий эпизод — яркое свидетельство большой любви литовского народа к памяти великого поэта украинского народа.

А. НЕЛДВЕДСКИЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1941 г. на журнал «ИСКУССТВО КИНО»

ОРГАН КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ КИНЕМАТОГРАФИИ при СНК СССР.
ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФИИ.

Журнал рассчитан на творческие кадры киноработников, смежных искусств и учащихся художественных вузов.

Журнал «ИСКУССТВО КИНО» будет помещать статьи по основным творческим вопросам художественной, документальной и учебной кинематографии.

Широкое внимание журнал уделяет вопросам анимационного, режиссерского, операторского и актерского мастерства; теории, критике и истории кино у нас и за рубежом.

В журнале будут публиковаться: ряд советских и иностранных специалистов, творческие портреты лучших художников кино, статьи и очерки киноискусства, посвященные основным вопросам творчества. Систематически в журнале будут помещаться статьи о новых фильмах.

В 1941 году журнал уделяет особое внимание новым отраслям кино — звуковой и стереоскопической кинематографии.

Журнал выходит один раз в месяц объемом в восемь печатных листов.

Подписная цена: на год — 72 р., на 6 мес. — 36 р., на 3 мес. — 18 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно отделениями Союзпечати и почтой. Подписные деньги в адрес издательства или в каком случае не направлять, так как Госкиноиздат никаких операций по приему подписки не производит.

ЗАДАЧИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Необычно переполненная аудитория свидетельствовала о большом интересе литературоведов к докладу, с которым член-корреспондент Академии наук СССР В. Жирмунский выступил 5 марта в Институте мировой литературы.

В рамках академического доклада В. Жирмунский поставил очень важный и актуальный вопрос — о задачах советского литературоведения, о том, что советское литературоведение должно преодолеть узость западной буржуазной науки, ограничивающей всеобщую литературу кругом явлений западноевропейского литературного развития.

Этот «европоцентризм» немалым для науки страны социализма, объединяющей в братском содружестве народы и Запады и Востока. Именно советская наука, изучающая фольклор и литературу всех братских народов СССР, располагающая необходимыми для этого данными разносторонних специалистов, способна подхватить до охвата всей мировой литературы как единого исторического процесса.

Основной закономерностью этого процесса, — указал В. Жирмунский, — является то, что на одинаковых стадиях общественного развития у различных народов возникают сходные явления литературы, вне непосредственного взаимовлияния.

Теорию Велесолова о стадийно-типологических аналогиях В. Жирмунский противопоставляет с простейших литературных мотивов и на сложные сюжеты.

Свои теоретические положения В. Жирмунский иллюстрировал, говоря его термином, «стадийными параллелями», то есть рядом аналогий из истории литературного развития стран Востока и Запады.

Он устанавливает эти параллели в героическом эпосе этих стран, между эпосом арно-арабской любовной лирики и средневековой рыцарской лирикой провансальских трубадууров, между «романтизмом

Писатели-бойцы На выставке в Доме им. Маяковского

В клубной гостиной, где недавно Ленинградский Дом писателя им. Маяковского открыл выставку к 23-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота, под тому науду, во время войны с белофиннами, происходили «Беседы у карты». Вечерами плотные шторы науду закрывали окна, выходящие на набережную Невы. Писатели собирались у огромной карты северо-западных рубежей, и лектор, комментируя военные действия, указывал на точки селений, на голубые пятна озер, на извилистые линии рек.

Фронтальной работе писателей-бойцов посвящена выставка, открывшаяся в Доме им. Маяковского. Напомнившие над выключенными выключателями, мы вновь произносим названия селений, озер и рек, у которых тот полумрак гремели ожесточенные бои с белофиннами. Эти названия, вошедшие в летопись военной славы нашей страны, напечатаны на страницах боевых красноармейских и краснофлотских газет, изо дня в день постовавшихся о доблести, о мужестве, о героизме... Среди сотрудников газет, печатавшихся в походных грубоватых, мы видим имена многих поэтов, прозаиков, литературоведов, драматургов.

Деятельность ленинградских писателей на фронте была необычайно разнообразна. Вот витрина, где собран материал, показывающий фронтальную работу Николая Тихонова. Ядом с «Баллады о сапере» лежит оперативный очерк о первом дне в советском Выборге, напечатанный во

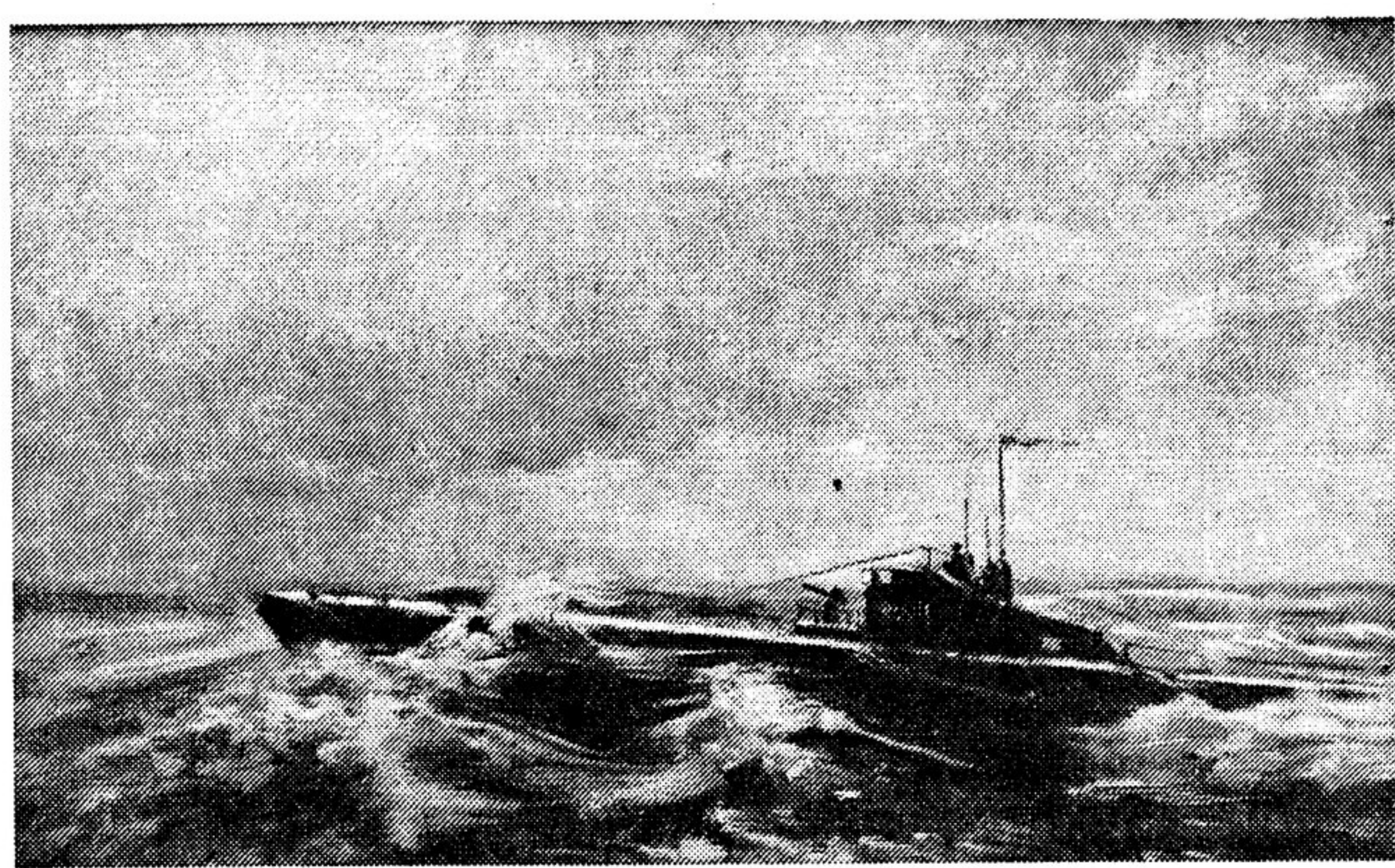
фронтальной газете «На страже родины». Над витриной материалы А. Прокофьева — стихи, фельетоны, частушки, хорошо известными читателям «Героический поход», — висят яркие плакаты о стихотворными лозунгами. В витрине В. Сельмова много исторических очерков героической истории русского народа, которые читались на фронте при свете костров. А рядом со стихами, очерками, корреспонденциями писателей, печатавшихся в газете, разложены маленькие книжки красноармейских библиотечек, которые боевые газеты умудрялись выпустить на передовых позициях.

В витрине, посвященной Михаилу Чукалинскому клубу Под Указами Президиума Верховного Совета СССР о награждении красноармейцев, краснофлотцев, командиров и политработников, отличившихся в боях с белофиннами, висят портреты 15 ленинградских писателей, награжденных боевыми орденами и медалями.

Ю. ИСАКОВ.

Мы с тобой простились на перроне, Я уехал в дальние края. У меня в смертельном медальоне Знается фамилия твоя. Если что-нибудь со мной случится, Если смерть в бою разлучит нас, Телеграмма полетит, как птица, — Нет, быстрее во много тысяч раз. Но не верь ты в страшное известие, Не печалься, даром слез не травь. Мы с тобой не можем быть не вместе, Нам нельзя разделять умирать.

Если ты прочтешь, что пулеметчик Отступил заставил батальон. За столбом сухих газетных строчек Ты пойми, почувствуй — это он! Ты знаешь, что советский летчик Разобили враждебный эшелон, За столбом сухих газетных строчек Ты пойми, почувствуй — это он! Пусть я буду вертким и легучим, Пусть в бою я буду неверным, Пусть всегда я буду самым лучшим — Я хотел при жизни быть таким...

В Москве открылась выставка молодых художников РСФСР. На снимке слева: картина В. Николаева (Ленинград) — «В походе», справа: гравюра на дереве Ф. Гордеева (Саратовская область) — «Чернышевский среди якутов».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛТАВА

Полтава — город больших литературных традиций. Здесь родились, жили и творили классики украинской литературы И. Котляревский, Г. Сковорода, Панаас Мирный, Е. Гребинка, М. Старшинский, Архип Тесленко, наконец — замечательный русский писатель Н. Гоголь, здесь жила и умер В. Короленко.

Около пятнадцати начинающих писателей и критиков города и области печатаются в областной газете «Бильнокы Полтавщины», а некоторые — в харьковских и киевских литературных журналах. Кроме начинающих авторов, на Полтаву, в Миргороде живет член Союза писателей профессора Христи Литвиненко, поборник Ф. П. Кушнарки, в Луках работает фольклорист и талантливый переводчик Петерфи, Ленау, Байрона — Борис Чигрипел.

Большинство местных литераторов, это — самодеятельная, мало квалифицированная молодежь, нуждающаяся в систематической идейно-воспитательной и творческой помощи. С этой целью в 1939 году при областной газете было создано литературное объединение.

Литературное объединение вначале работало плохо. Было прочтано собственными силами несколько докладов по теории литературы, выпущено около десяти литературных страничек в областной газете, проведен ряд литературных вечеров. Наконец, был подготовлен альманах «Литература Полтавщины», подготавливающий первые успехи молодежи. Но этот сборник до сих пор не нашел своего издателя.

К сожалению, полтавский обком комсомола и Союз советских писателей Украины по-настоящему не интересуются молодой творческой организацией, не оказывают ей конкретной помощи.

Киевские и харьковские писатели, Нерлево посещая Полтаву, при участии с литературной молодежью шедро расточают похвалы, обещают всестороннюю помощь, но, как правило, на другой день забывают об этом.

Предоставленное вариться в собственном соку, полтавское литературное объединение как бы самоубежалось, его участники с сомнением относятся к утратившему вкус современной литературы работе, не встречаясь с читателями. Фактически молодая творческая организация — на пути к ликвидации. Союз писателей Украины не должен этого допустить.

А. ШМИГЕЛЬСКИЙ

ЭПОС НА КИНОПЛЕНКЕ

БАКУ. (Наш корр.) Эпос «Дедь Коркуда» — древнейший памятник азербайджанской литературы. Дедь Коркуда — легендарный певец и сказитель, мудрый старец, сагающий песни.

Художественно-историческое значение этого замечательного произведения огромно. Во всем мире известна лишь единственная рукопись его, хранящаяся в Древнейшей государственной библиотеке. Крупнейшим русским ученым, академиком Ю. В. Бартоломью был осуществлен перевод на русский язык только четырех песен «Дедь Коркуда».

Недавно Институтом востоковедения получена из Древней кинолента, на которой записаны 307 страниц уникальной рукописи этого эпоса.

Институт готовит в 1941 году издание всех 12 песен «Дедь Коркуда».

маленьком домике над тихой, почти мертвой рекой.

Жизни больше не будет, ему не бывать дровосеком,

Не бывать пастухом, хлеборобом ему не бывать,

И плоты не сплавляют по горячим пороженным рекам,

И не знать своих звуков, и взрослых меня не видеть.

Жизни больше не будет, останется жаркая гореть,

Только жажда дожить, потому что играет у ног

Шестилетний малыш, шестилетний пещерный заморщик.

По-еврейски — мизинчик, по-русскому — первый сынок.

С этими горькими и правдивыми словами Арон Копштейн входил в жизнь, в поэзию. Уже первая книга его стихов называлась темпераментно и очень смело: «Хочемо, прагнемо, можемо, что вычит по-русски: «Хотим, стремимся, можем».

Среди молодых украинцев поэтов Копштейн занял значительное место. Полны обаяния, жизни и ослепительных солнечных украинских красок его стихи об Украине, о здоровых и смелых рыбаках, о горной Грузии. Большой интерес представляет цикл стихов о Гори и о Сталине.

Позже Арон служил на Дальнем Востоке в Красной Армии и написал книгу стихов о советском Дальнем Востоке. Это не случайные заметки туриста, ищущего необычную тему, это — работа военного газетчика, стихи танкиста-красноармейца. Она тема владеет им — тема родины, нежной, огромной и гордой страны. И ведем он себя чувствует, как дома, в этом гигантском просторе советских республик.

Перед нами фронтальные стихи Копштейна, они писаных населе, это были письма к товарищам и к любимой женщине. Это не холодноватые, строгие

размеренные, равнодушно-философствующие стихи, это волевым лирикой, выдыхающаяся, как боец во время атаки. Строка переходит в строку, рифма появляется в конце строки не потому, что она здесь должна быть, а потому, что она не может здесь не быть. Словом, это та самая поэзия, из которой слова не выкинешь.

Я тем горжусь, что в злыном эскадроне Я Пушкина читаю наявусть,

Что я изведла напряженно страсти, И если я, быть может, до сих пор Люблю их, как водила свой мотор.

Он бархатит с ним не находил сладу, Намучившись, выйдешь из сна,

Он три часа не слушается сразу, И вдруг — забормотал, заговорил.

И ровное его сердцебиенье, Уверенный, неторопливый шум, Напомнит мне мое стихотворенье, Которое еще я напишу.

Бьет батарея, Вспыхнувши зарницы, А над земляной — голубой дымок.

«И вечный бой. Покой нам только снится»...

Так Блок сказал, так я сказать бы мог.

Почему нас искренне трогают и волнуют эти стихи? Да потому, что это сама жизнь, потому что в них живет ясный и искренний облик настоящего советского человека. Здесь ничего не выдуманно, это все было написано в походном блокноте, где-то на тревожной стоянке злыного эскадрона. Молодые поэты, побывавшие на фронтах прошлого года, возмужали и получили закалку. Они видели героям советских людей, настоящую фронтальную дружбу, искренность и глубину человеческих отношений. Они учились работать в походных редакциях, учились энергично строгому стилю красноармейских газет,